

ВАСИЛИЙ
ВЕДЕНЕВ

СТРОИТЕЛЬ

Серов уже привык никому
по конца не доверять,
в этого фотобойника он
верил впервые в жизни.
Нам известно, что он и
покажет, а вдруг совсем
наоборот?

— Крысиная тропа? Что вы
имеете в виду?

У меня есть серьезные
подозрения, что существуют
незаконный канал, по которому
переправляют за кордон
бизнесмены с наворочанными
денегами. Сначала эта тропа
ведет в ближние зарубежье,
примысливаю в стране
Баттис, а затем люди и деньги
исчезают без следа в странах
за рубежом. Например, в странах
Западной Европы или в Америке.

Крысиная тропа

Василий Владимирович Веденеев
Крысиная тропа
Серия «Остросюжет»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654808

Крысиная тропа: Вече; Москва; 2011
ISBN 978-5-9533-5821-7, 978-5-4444-7929-2

Аннотация

Москва, 1990-е. К любовнице майора Сергея Серова, сыщика МУРа, которого бандиты прозвали «Волкодав», обращается ее подруга Татьяна с просьбой посодействовать через Серова в розыске своего пропавшего без вести мужа. Серов отправляется к Татьяне домой, но не успевает: у него на глазах женщину выбрасывают из окна ее квартиры.

Некий бизнесмен Рыжов, желая победить в предстоящем аукционе недвижимости, отправляется к знакомому влиятельному чиновнику за поддержкой. Тот предлагает Рыжову обманным путем получить все деньги акционерного общества, а после выехать из России и исчезнуть из поля зрения правоохранительных органов. После недолгих колебаний Рыжов соглашается.

В ходе подготовки этой аферы становится ясно, что и муж погибшей Татьяны не просто пропал, а, провернув некое «дельце», также выехал за пределы родины. Татьяна же поплатилась жизнью за излишнюю настойчивость в его розысках. Подруга майора Серова, Лариса, оказывается дочерью Рыжова, и теперь Волкодаву придется распутывать не только уголовное дело, но и решать непростой личный ребус...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	35
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Василий Веденеев

Крысиная тропа

© Веденеев В.В., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Глава 1

Тонкий солнечный лучик пробрался сквозь шелку в неплотно задернутых тяжелых портьерах и упал на большое трехстворчатое зеркало у стены. Отразился в нем, позолотил старую бронзу часов на туалетном столике, ярко высветил причудливые инкрустации на белом спальном гарнитуре, потом радужно преломился в гранях множества хрустальных баночек и флакончиков, в беспорядке теснившихся на подзеркальнике. И тут, словно разбуженный лучом, на тумбочке около широченной двуспальной кровати затрещал будильник.

Сергей, не открывая глаз, протянул руку, нащупал кнопку, и назойливый треск прекратился. Но раз будильник затрещал, значит, уже шесть. Пора вставать, а вставать не хотелось – веки сладко слипались, голову не оторвать от подушки, и сон готов вновь принять его в свои ласковые объятия, обещая подарить еще несколько часов отдыха; да и то: заснули они, кажется, не раньше двух?

Серов лениво перевернулся на спину и потянулся. Рядом, рассыпав по подушке темно-русые локоны, тихо дышала Лариса: она никогда не реагировала на звук будильника – его призывный треск адресовался не ей. Это Сергей должен подниматься в шесть, чтобы вовремя успеть на службу, а она могла восстанавливать растроченные в любовных утехх силы сколько захочет.

Лариса спала, по-детски чуть приоткрыв губы, словно ждущие поцелуя. На ее лбу выступила легкая испарина, яснее стала видна россыпь мелких веснушек на кокетливо вздернутом носике. За эти веснушки, которые так шли ей, Сергей иногда в шутку называл подругу «молочной женщиной». И вообще она ему нравилась: пусть немного ограничена, зато какая фигура! Хотя о чем говорить в постели с молодой хорошенькой женщиной? Серов всегда считал: если начинаешь с женщиной разговаривать в постели – то либо пора задуматься о своем возрасте, либо надо срочно сменить женщину. Пока он предпочитал второе, но с Ларисой в ближайшее время расставаться не намеревался. А возраст? Разве возраст для мужчины тридцать четыре года?

Выскользнув из-под одеяла, Сергей сунул нога в шлепанцы, накиннул халат и потихонечку, чтобы не разбудить Лариску, вышел из спальни. Миновав гостиную, обставленную мебелью из мореного дуба, направился в ванную. Стоя под тугими, прохладными струями душа, он подумал: папаша Лариски мог бы купить дочке квартирку и поближе, чем рядом с кольцевой, откуда добираться до Центра общественным транспортом полтора часа. Хотя Лариске что – когда она вместе с родителями переехала в столицу, то на день рождения, в двадцать лет, сразу получила и эту полностью обставленную двухкомнатную квартиру в новом доме, и «жигули» модной модели, и гараж, поэтому для нее проблема жилья и транспорта не стояла так остро, как для Серова, который обычно передвигался на своих двоих, величая их «одиннадцатым номером», или нырял в душное метро. Но отсюда до метро еще надо трястись десяток остановок на автобусе.

Впрочем, Ларискина квартира большое благо – иначе где им встречаться? Сергей жил с отцом и теткой на одной из старых улиц Москвы, и пусть у него и была своя комната в большой, давно требовавшей капитального ремонта квартире, он считал неудобным приводить туда женщин и оставлять их ночевать. Нет худа без добра? Наверное, лучше самому подниматься ни свет ни заря, чем рано поутру расталкивать милое создание, быстренько поить его на кухне кофе и выпроваживать за дверь, пока не появилась любимая тетушка Клава, заменившая ему рано умершую мать, и не начала «задушевные» разговоры, которые Сергей именовал «маниловщиной». Отец – тот человек сдержанный, никогда лишнего не скажет и не спросит, если на то нет веских оснований, а тетушка просто одержима манией

обженить племянника. К ее искреннему огорчению, он никак не стремился завести семью и отговаривался: мол, еще не встретил ту, за которой готов пойти хоть на край света.

Однако самое неприятное – дотошные расспросы вечером, которые устраивала тетя Клава. Сергей очень любил ее и уважал, но уж больно резко различались их взгляды на вопросы семьи и брака.

Побрившись, он вышел на кухню, где сияла импортная суперсовременная техника: кофеварка, микроволновая печь, ростер, тостер, японский холодильник, морозильная камера и прочее. Чем занимается отец подруги, Сергей никогда не интересовался – теперь у всех свой бизнес. Если не собираешься прослушать вместе с очередной пассией свадебный марш Мендельсона, который, кстати, сам так и остался холостяком, то стоит ли торопиться представляться ее родителям и, таким образом, волей-неволей переводить все почти на официальные рельсы? И Серов избегал встреч с предками «молочной женщины», хотя она уже не раз намекала, что неплохо бы нанести им визит.

Но зачем торопить события, когда ты сам для себя еще ничего не решил? Все-таки он уже перешагнул тридцатилетний рубеж, а она еще студентка. Конечно, молодая женщина так соблазнительна и привлекательна, но одна только мысль об официальном визите в дом ее родителей почему-то бросала в дрожь. Ладно, поживем – увидим: все может решиться и само собой. Иногда Сергей, как истинная Рыба по гороскопу, предпочитал, ничего не предпринимая, плыть по воле житейских волн, но при этом был готов в любой момент вильнуть хвостом, уйти на глубину и внезапно поплыть в другую сторону.

Достав из холодильника тарелку с приготовленными с вечера бутербродами, он включил кофеварку – крепкий кофе поможет взбодриться – и поймал по приемнику радиостанцию «Ностальжи».

Глядя в окно на заросшие лебедой незастроенные пустыри и прихлебывая горячий кофе, Сергей подумал: жизнь – штука довольно странная и выдает иногда такие повороты, что только диву даешься. Взять хотя бы их знакомство с Лариской. Несколько месяцев назад его приятель и сослуживец Володька Тур почти силком затащил Сергея на вечеринку в студенческую компанию, там и познакомился Серов с Ларисой. Несколько раз встретились, потом он остался у нее ночевать, а теперь приезжает два или три раза в неделю с неизменным портфелем, в котором лежат халат, шлепанцы, зубная щетка и бритва. Может, это пошло? Кажется, у Набокова есть рассказ о любителе амурных приключений, который всегда носил во внутреннем кармане сюртука плоские шлепанцы?

Неожиданно зазвонил телефон. Сергей привычно протянул руку, собираясь снять трубку, но вовремя вспомнил про автоответчик – на ночь Лариса всегда отключала аппарат в спальне, а этот, на кухне, переводила на автоответчик. Звонки прекратились, и начали медленно вращаться катушки диктофона, записывая сообщение. Серов бросил взгляд на часы – половина седьмого. Интересно, кто звонит в такую рань?

Немного поколебавшись, Сергей перемотал пленку и включил воспроизведение. Из динамика донесся незнакомый взволнованный женский голос:

– Ларуня! Это Таня Трапезникова! Перезвони мне срочно, у меня несчастье, а я никак не могу с тобой связаться!..

Несчастье? Сергей задумчиво потер подбородок, потом перемотал пленку обратно и пошел в спальню. Пожалуй, стоит разбудить Ларису: попусту в половине седьмого утра обычно не названивают. Хотя у некоторых женщин и сломанный каблук – несчастье.

Лариса спала, уткнувшись носом в подушку. Будить ее стало жалко – обычно Сергей уходил по утрам не прощаясь, а потом звонил ей с работы, – но сейчас случай неординарный, и он легонько потряс Ларису за плечо. Прикосновение к ее теплой, шелковистой коже вызвало приступ желания, пронзившего его словно током.

Она открыла глаза, повернулась, одеяло сползло, обнажив ее полную крепкую грудь. Лариса лукаво улыбнулась:

– Ты уходишь?

– Нет, но собираюсь. – Он отвел глаза. Слаб человек и велики бесы! Так и до службы не доедешь.

– Иди ко мне, я тебя поцелую на прощанье.

– Извини, что разбудил. Сейчас тебе звонила некая Трапезникова. У нее что-то случилось, просила срочно перезвонить.

– Танька? – Лариса рывком села и смахнула с лица волосы. – Что там у нее?

Сергей только пожал плечами и вышел из спальни. Вернулся на кухню и сел за стол – доедать бутерброды и допивать кофе. Следом появилась Лариса, на ходу запахивая длинный яркий халат. Молча включила автоответчик, прослушала запись и ушла в спальню. Телефонный аппарат на кухне тихонько затренькал.

«Набирает номер по параллельному», – понял Серов, Вскоре он услышал приглушенные восклицания, потом до него донесся возбужденный голос Ларисы:

– Да... Я обязательно спрошу... Что ты, конечно, он как раз сейчас здесь.

«Обо мне речь, – вздохнул Сергей. – Что же там стряслось?»

На кухню вернулась Лариса. Она села напротив и закурила, часто и нервно затягиваясь.

– У Таньки несчастье: муж пропал.

– Нагуляется – придет, – усмехнулся Сергей, поднимаясь из-за стола.

– Сядь, – попросила Лариса. – Он пропал несколько недель назад. Она в трансе, а ты толстокожий бегемот!

– Ты пришла сообщить мне об этом? – Утро явно могло начаться с миленького, почти семейного скандала. – Или есть более серьезная информация?

– Но он пропал! – Лариса сердито примяла в пепельнице окурки. – Ты же сыщик, Сереженька! И, насколько мне известно, не просто сыщик, а какой-то там начальник на Петровке.

– Ну и что? В России ежегодно пропадают десятки тысяч людей. Она обращалась в милицию? Написала официальное заявление?

– Да, обращалась, написала, но никакого толку!

– Чего же ты хочешь от меня?

– Чтобы ты помог ей! – в глазах Лариски метнулись золотистые искры – верный признак близкой вспышки яростного, необузданного гнева.

– Найти мужа? Помилуй бог, ты даже не представляешь, какими делами я занимаюсь! Розыск без вести пропавших не по моей части.

– Неужели ты ничем не можешь помочь? Ну, поговори там, попроси, прикажи, наконец! Хотя бы поинтересуйся, как идут дела!

– Хорошо, я попробую, – вяло согласился Серов, только чтобы прекратить уже начинавший раздражать разговор.

Наверняка эта Татьяна Трапезникова тоже приехала в столицу из провинции. У всех провинциалов просто невозможная пробиваемость, как у танков! У них неизмеримая жадность ко всему, что коренные москвичи считают само собой разумеющимся. Провинциалы приезжают завоевывать Москву и ведут себя соответственно, словно ордынцы Чингиза или Батыея, как шелуху отбрасывая разные комплексы, мешающие им добиваться желаемого. В Лариске это особенно сильно – душу вымотает, но возьмет свое! И это пугало Серова, заставляя постоянно быть с ней настороже, дабы не угодить в какую-нибудь хитрую ловушку.

А чего стоили ее словечки «из глубинки», от которых она всеми силами старалась, но никак не могла избавиться, хотя природным чутьем прекрасно понимала: они вызывают к ней определенное отношение, несмотря на роскошные наряды и автомобиль. Поначалу ее язык умилял Сергея, потом стал раздражать, а через некоторое время он привык, плюнул,

перестал обращать внимание и поправлять ее: пусть самообразовывается. В конце концов она не так глупа – в ней чувствуется природная, мертвая хватка хищницы. Это его тоже пугало. Но...

Но стоило ему заглянуть в ее бездонные темные глаза, стоило ощутить в объятиях молодое упругое тело, готовое подарить жаркие ласки, стоило поцеловать ее губы, как он забывал обо всем!

– Я дам тебе ее телефон. – Лариса быстро черкнула на листке номер Трапезниковой. – Позвони, пожалуйста.

– Зачем? – взяв записку, скучно спросил Сергей. Отчего у провинциалов так развита святая вера во всемогущество любого начальства?

– А как же? – непритворно удивилась она. – Как же ты будешь помогать, если не поговоришь с ней и не увидишься? Я думала, это нужно. Даже уверена, что нужно.

– Ладно, – вздохнул Сергей. Так или иначе, за все в жизни приходится платить. Значит, пришло и его время. Надо позвонить Трапезниковой, чтобы Лариска не дулась.

– Подбросить тебя до метро? – в порыве великодушия предложила она.

– Спасибо, не нужно, – отказался Серов. Он прекрасно знал: стоит ему согласиться, как у нее найдется тысяча причин, лишь бы в такую рань не выходить из дома. Например, она сейчас заявит, что не накрашена, а выйти без приличного макияжа – все равно что выйти из дому голой, и тому подобное...

Он прошел в спальню и начал одеваться. Потом убрал в портфель халат и тапочки, положил бритву в футляр с зубной щеткой.

– Долго ты еще будешь все таскать туда-сюда? – иронически улыбнулась наблюдавшая за ним Лариса.

– Долго, – сердито буркнул он и хотел добавить: «До тех пор, пока не надоест сюда ездить», но благоразумно промолчал.

– Не сердись, – она прижалась к нему, горячо поцеловала в губы. – Я буду очень ждать твоих звонков и тебя...

В «коридоры власти», как Николай Иванович Рыжов привык именовать высокие государственные учреждения, он всегда вступал с чувством особого благоговения и причастности к некоему таинству, не доступному простым смертным: так ранее непосвященные не имели права вступать под своды святилищ, скрывавших мрачные тайны. Для Рыжова Власть являла собой некую мистическую притягательную силу.

Здесь обычно царил многозначительная тишина, полы длинных коридоров были покрыты традиционными темно-бордовыми ковровыми дорожками с цветным орнаментом по краям, а за высокими дверями кабинетов сидели люди, способные одним росчерком пера решить то, на что могли уйти долгие месяцы, а то и годы хождения по инстанциям. Но тот, кто имел сюда доступ и знал этих людей, прикасался к магической силе Власти и быстро достигал желаемого, презрев установленные для непосвященных нормы, правила и законы – в этом Николай Иванович был твердо убежден, поскольку сам не раз прибегал к помощи всемогущей силы.

Сегодня он собирался сделать это вновь. Естественно, в святилищах власти ничто не давалось даром, но выигрыш с лихвой окупал все издержки, неизбежные при прохождении избранного пути к вожаемой цели: Рыжов хотел стать неоспоримым претендентом на победу в предстоящем аукционе недвижимости. Кусок был уж больно лакомый, и Николай Иванович решил просить поддержки у давнего знакомого, занимавшего весьма ответственный пост. Когда-то они вместе работали в одном из сибирских городов, но потом их пути круто разошлись: Рыжов из партократа превратился в преуспевающего бизнесмена, а Владислав Борисович Шамрай – так звали приятеля Николая Ивановича – сначала стал ярим

демократом, а потом видным чиновником. Однако они не потеряли связи друг с другом, и за прошедшие годы доверительные отношения между ними, скрепленные общими интересами, только упрочились. Иногда, задумываясь над этим, Рыжов с удивлением отмечал, какие странные штуки выкидывает жизнь: казалось бы, все должно разительно измениться, а нет!..

Открыв одну из высоких дверей, Николай Иванович вошел в большую светлую приемную. Заранее предупрежденная о его визите, секретарша радушно улыбнулась:

– Добрый день, Владислав Борисович ждет, проходите, пожалуйста.

Рыжов миновал тамбур, отделявший кабинет от приемной, и очутился в небольшой, насквозь прокуренной комнате с письменным столом и парой мягких глубоких кресел около него. Хозяин работал на компьютере. Обернувшись, он увидел гостя и сделал рукой приветственный жест, предложив занять одно из кресел:

– Присядь, я сейчас.

Николай Иванович отметил, что Владислав не изменяет своим привычкам: все так же не любит просторных помещений и без конца смолит одну сигарету за другой.

– Рад тебя видеть, – выключив компьютер, обернулся к нему Шамрай, пригладив ладонью щеточку жестких темных усов над тонкогубым ртом.

За то время, пока они не виделись, в усах приятеля начала пробиваться седина: видно, сидеть на высоком чиновном посту тоже не очень сладко.

– Как жив? Как семья? – Шамрай закурил очередную сигарету и протянул раскрытую пачку приятелю.

Николай Иванович счел неудобным отказываться и тоже закурил, хотя в кабинете слоями плавал сизый табачный дым.

– Все в порядке, спасибо, – ответил он. – Дочь учится, жена по хозяйству, а я верчусь как белка в колесе, стараясь их обеспечить.

– Сейчас все вертятся, – меланхолично заметил Владислав. – Жизнь такая. У меня тоже ни минуты покоя.

Рыжов решил не тянуть: не дай бог, сейчас приятеля дернут «наверх» или позовут на какое-нибудь срочное совещание. Тогда и поговорить толком не успеешь, а срок аукциона неумолимо приближался, все документы подготовлены и кровь из носу нужна победа.

– Извини, что отнимаю твое драгоценное время, но у меня есть к тебе дело.

– Дело? – Владислав откинулся на спинку кресла и многозначительно приложил палец к губам. Рыжов недоуменно поднял брови, но Шамрай, словно не заметив этого, лениво предложил: – Пойдем-ка лучше перекусим, а то все дела у меня уже вот где! – он чиркнул себя ребром ладони по кадыку и рассмеялся. Ткнул недокуренную сигарету в пепельницу, поднялся из-за стола.

– В кои-то веки меня навестил старый друг-приятель и опять говорить о делах? Уволь! Лучше пошли обедать, я голоден как волк! Составишь компанию? – он заговорщицки подмигнул Рыжову.

– Можно и перекусить, – вяло согласился Рыжов, терявшийся в догадках, отчего вдруг Владислав так демонстративно уходит от разговора.

– У нас прекрасная столовая, – Шамрай взял его под руку и вывел из кабинета, на ходу бросив секретарше в приемной, что он на обеде.

В коридоре, убедившись, что они одни, Владислав притянул Николая Ивановича поближе и доверительно шепнул:

– В кабинете лучше не болтать.

– Вот как?

– Да, – усмехнулся Шамрай. – Там даже стены имеют уши. Очередная кампания по борьбе с коррупцией. Ты же знаешь, что такое аппаратные игры?..

В просторной столовой они заняли столик у окна. Владислав сделал знак официантке: солянку, бифштексы, салаты и чай с пирожными.

– Ну, какое у тебя дело? – принимаясь за салат, поинтересовался он.

– Недвижимость, – коротко ответил Николай Иванович.

– Намереваешься участвовать в очередном аукционе?

– Хотелось бы не только поучаствовать, но и выиграть – и выиграть с минимальными затратами.

– Значит, решил вложиться в то, что нельзя унести с собой? – желчно улыбнулся Шамрай.

– Цены на недвижимость растут, а благодарность за помощь гарантирую.

– Пустое, – отмахнулся Владислав Борисович. – Я подумаю, чем можно помочь. Исходные данные при тебе?

– Да.

– Отлично.

У Николая Ивановича отлегло от сердца: если Шамрай так сказал, значит, все вопросы будут непременно решены и победу на аукционе можно считать обеспеченной.

– А вообще какая каша варится в сфере бизнеса? – с иронией спросил Владислав, промокая салфеткой усы.

Рыжов задумался, прежде чем ответить: что на уме у приятеля? Вряд ли он не имеет никакого представления, как идут дела у бизнесменов, как работают банки и валютная биржа. Значит, хочет знать, как обстоят дела у самого Николая Ивановича?

– Трудно работать, – честно признался он. – Налоговая политика сам знаешь какая... Да и криминальный элемент не сахар! Но, главное, нет стабильности. Понимаешь? Сегодня одно, завтра другое, в законодательстве неразбериха, и везде надо дать, подмазать, отмазаться. То от одних, то от других. Того и гляди влетишь в неприятную историю. Надоело! Уехал бы отсюда к чертовой матери, но в эмиграцию, как и в рай, все деньги не унесешь...

Шамрай согласно кивал, жадно поглощая бифштекс, у Рыжова аппетит пропал, и он вяло ковырял вилкой нежное и хорошо прожаренное мясо.

– Насчет стабильности ты, к сожалению, прав, – подтвердил Владислав.

– Еще бы нет, – грустно улыбнулся Николай Иванович.

– Однако умные люди находят выход, – Шамрай остро взглянул прямо в глаза приятеля. – Понимаешь? Находят выход и, наплевав на все, создают стабильность собственными руками. Естественно, с помощью хороших, надежных друзей и их связей.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Рыжов. Владислав явно на что-то намекал, но уж слишком туманно.

– Можно сменить климат, как любят выражаться на Западе, – тихо ответил Шамрай.

– Я не очень понимаю.

– Тогда доедай пирожные, допивай чай, и пойдем прогуляемся на свежем воздухе.

Погода отличная, побродим чуток по старым переулочкам.

– Мне придется сдать пропуск, – напомнил Рыжов. – А как с аукционом?

– Пропуск тебе сегодня больше не понадобится, – засмеялся Владислав.

Рыжов незаметно положил на край стола конверт с данными относительно аукциона недвижимости, и Шамрай спрятал его в боковой карман пиджака.

Выйдя из столовой, спустились вниз. Николай Иванович на выходе отдал охраннику пропуск, и через секунду они оказались на улице, где ласково пригревало солнце. Владислав увлек приятеля в тихий переулок.

– Так что ты имел в виду? Ну, насчет климата? – напомнил Рыжов.

– Убраться отсюда, – прикуривая сигарету, буркнул Шамрай.

– Убраться? Эмигрировать?

– Вот именно. Мир широк, и умный человек всегда сумеет найти достойное место. И чем скорее, тем лучше.

Рыжов замолчал, осмысливая услышанное. Получалось, приятель поддерживает практически созревшую у него идею и вроде бы даже намекает, что стоит поторопиться? Почему?

– Ты опасешься резкой смены политического курса? Реставрации социализма? – спросил он. – Тебе там, сверху, виднее, что к чему. Неужели к власти вновь могут прийти коммунисты? И тогда...

– Могут, не могут... – Шамрай зло сплюнул. – Что я, бабка-угадка? В конце концов мы все здесь бывшие большевики. Или забыл, как ты заведовал идеологией в райкоме? А кто ты теперь? Но дело не в этом, а в том, что любые шараканья неизбежно приведут к поискам козлов отпущения. У нас всегда так было! Неужели есть желание стать одним из них?

Похлопав по карманам, Николай Иванович нашел пачку сигарет и закурил. Ничего себе, поворот в разговоре! Честно признаться, подобного он никак не ожидал и теперь пребывал в некоторой растерянности. Нет сомнений, Владислав говорит вполне серьезно: такими вещами не шутят!

– Возникнет масса технических сложностей. У меня нет валютных счетов за границей, – пробормотал он. – А что там делать без денег?

– При желании можно утянуть отсюда любые бабки. Любые! Понимаешь? Причем тихо и незаметно.

– Отчего же ты сам до сих пор сидишь здесь? – подозрительно сощурился Рыжов.

– Почему не уйду? – переспросил Шамрай. И веско сказал: – Рано! Надо еще помочь многим хорошим людям. Если хочешь, я помогу тебе, а ты, в свою очередь, поможешь мне.

Рыжов глубоко затаился и почувствовал, как у него слегка закружилась голова, словно он вдалеке от спасительных берегов шел по тонкому прозрачному льду и, случайно бросив взгляд под ноги, внезапно увидел, какая под ним готова разверзнуться бездна! Один неверный шаг, лед предательски затрещит, и...

– Каким же образом я могу тебе помочь? И как ты поможешь мне?

– Узнаешь, если дашь согласие!

Они свернули за угол и пошли по теневой стороне улочки, где на каждом шагу попадались дорогие магазинчики, торговавшие всякой всячиной – парфюмерией, джинсами, обувью. Шагая рядом с Шамраем и досасывая сигарету, Рыжов напряженно размышлял.

– И... если я соглашаюсь?

– Тогда позвони мне и скажи: хочу отдохнуть! Ведь это не так далеко от истины? От нашей страны действительно нужно отдыхать.

– А если нет?

– В этом случае никакого разговора между нами никогда не было. Но упаси тебя Бог!..

– Я понял, – быстро заверил Николай Иванович.

– Не волнуйся, – Шамрай покровительственно похлопал его по плечу. – Не ты первый и, надеюсь, не ты последний. Все проверено, отработано и надежно!

– К сожалению, своих денег у меня не так много, как хотелось бы, – признался Рыжов.

– Есть деньги акционеров, – подмигнул Владислав. – И есть способы их заполучить. Но действовать надо решительно: обратной дороги уже не будет. Все, – он посмотрел на часы. – Мне пора... Если надумаешь, я тебя прошу: не тяни! У нас тоже с этим связаны определенные интересы.

– У вас?

– Полагаешь, я все могу сделать один? – Шамрай привычным жестом пригладил усы. – Давай, Коля! Я тебе и так слишком многое сказал.

Он пожал Рыжову руку и широким шагом направился обратно, ступая твердо и четко, как ходят полностью уверенные в себе люди – хозяева жизни. Николай Иванович посмотрел

ему вслед и медленно побрел к стоянке, где оставил свой БМВ. Голова его продолжала слегка кружиться, мысли путались...

Открыв дверцу серого БМВ, Николай Иванович плюхнулся на сиденье и вдруг понял: он не в состоянии вести машину – разговор с Владиславом полностью выбил его из колеи!

– А, черт! – Рыжов в сердцах стукнул кулаками по баранке.

Проклятый усатый искуситель! Приоткрыл зазеркалье, но не дал полностью заглянуть туда, заставил мучиться сомнениями и ломать голову над его предложением. Разумеется, Шамрай человек серьезный и не станет трепать языком попусту.

Но ведь и предупредил, что, если дашь согласие, обратной дороги не будет! Всего один телефонный звонок, условная, ничего не значащая для непосвященных фраза, и ты отрезанный ломоть? И резать-то придется по живому, без всякого наркоза!

Слегка подрагивавшими от волнения пальцами Рыжов вытянул из пачки сигарету и закурил, пытаясь успокоиться.

Здесь, в России, не сладко – он ничего не приукрашивал, рассказывая Владиславу, как работается в бизнесе.

Однако и за границей медом не намазано. Не зря пословица гласит: за морем телушка полушка, да рубль перевоз! Рыжов бывал за рубежом и прекрасно знал – без приличных денег делать там нечего! Да и языком он не владеет, будет вроде глухонемого, по крайней мере первые полгода. Впрочем, язык выучить при желании можно: если все вокруг на нем говорят, то волей-неволей забалакаешь не только на английском, даже на суахили. Но деньги!..

Это самое болезненное, деньги! Как их утянуть на Запад без потерь? Тем более, даром тебе никто не поможет. В принципе Шамрай откровенно предложил обокрасть акционерное общество, которое возглавляет Рыжов: вот тогда появится капитал, на который безбедно можно прожить!

Господи, что же делать? Обокрасть акционеров – неизбежное уголовное дело! И не подведет ли Шамрай, обещая, что все давно отлично отлажено и опробовано? Как его будут переправлять, да еще с деньгами – тащить через границу чемодан с наличностью? Пробираться контрабандными тропами, мотаясь на ишаке, через горные перевалы Средней Азии? Уж не ловушка ли для простаков? Хотя зачем это Владиславу, какой ему прок? С другой стороны, если все обстоит именно так, как ему обещают, то кто сможет достать Рыжова с деньгами, например, в Монако или в Штатах? Московская милиция? Черта с два! Интерпол тоже не столь всемогущ, как показывают в детективных фильмах. Уже не один бизнесмен уходил отсюда с полной мошной, но что-то пока обратно никого не вернули и не запрятали за решетку на долгие годы. Игра стоит свеч! К тому же по большому счету его акционеры тоже добыли первоначальный капитал не трудами праведными, а вытащили из воровских общаков, хапали в торговле или сколотили на спекуляциях в период тотального дефицита. Поэтому любые угрызания совести просто бред, комплексы и сопли!

Рыжов выбросил окурок в окно и быстро прикинул – сколько удастся выкачать из акционерного общества? В принципе хорошо бы содрать всю шкуру! Однако об этом можно говорить с Шамраем, только когда дашь согласие. А если ободрать не помогут? Господи, голова расколется от думок!

И еще проблема – жена и дочь! Взять их с собой или оставить здесь? Но возможно ли их взять или это полностью исключено? А если возможно, то как это сделать?.. Тьфу, пропасть!

Да, задачка, прямо скажем, не из простеньких, но решать ее надо, и придется что-то отвечать Шамраю в самое ближайшее время.

...Наконец, немного успокоившись, Николай Иванович медленно вырулил со стоянки. Он поехал домой, стараясь отогнать прочь мысли о предложении Шамрая – нельзя же без

конца прокручивать в голове одно и то же? Так недолго и свихнуться. Все слишком серьезно, чтобы решать с наскоку: стоит как следует помозговать, прежде чем твердо ответить «да» или «нет». Впрочем, зачем лицемерить перед самим собой? Он уже прежде думал, и не раз: как бы бросить все и умотать? Поэтому разговор с Шамраем попал в самую точку, и посеянные им семена сомнений упали в благодатную почву...

Дома он сказал жене, что должен поработать, и закрылся в кабинете. Улегся на диван, поставил на живот большую пепельницу и, выкуривая одну сигарету за другой, вновь мысленно возвратился к беседе с Владиславом. Рыжов чувствовал себя обладателем некой тайны, скрытой в запечатанном ларце, но нет возможности сломать печати и открыть его, чтобы узнать все до конца. Мучительное состояние! А вдруг вместо ларца с несметными сокровищами ему подсовывают запечатанного в бутылке страшного джинна?

За ужином он еле-еле ковырял вилкой в тарелке, и жена встревоженно спросила: уж не заболел ли?

– Нет, все нормально, – рассеянно ответил Николай Иванович и неожиданно сказал: – Просто получил заманчивое коммерческое предложение и теперь должен кое-что обдумать.

– Если заманчивое, надо соглашаться, – уверенно ответила супруга.

– Да? – усмехнулся Рыжов, но вовремя прикусил язык: нечего его распускать, словно шнурок, особенно перед женой. Кто знает, как все повернется?

После ужина Николай Иванович опять уединился в кабинете и, после напряженных размышлений, пришел к выводу: нужно ответить Владиславу согласием. Но предварительным, и оставить за собой право окончательного решения после уточнения всех условий. Пожалуй, пока это самый мудрый ход.

Он придвинул к себе телефон и набрал домашний номер Шамрая. Трубку взял сам Владислав Борисович.

– Добрый вечер, – сказал Рыжов, ощущая внутри сосущую пустоту, как перед прыжком в неизвестность, скрывающуюся в глухой темноте под крутым косогором.

– Привет. Надумал?

– Да, – твердо ответил Николай Иванович. – Наверное, мне нужно немного отдохнуть. Однако хотелось бы знать, какие там условия? В моем возрасте, понимаешь ли... И только потом принимать окончательное решение.

– Разумно, – согласился Владислав, выдержав некоторую паузу. – Хорошо, тебе позвонит от меня Сергей Сергеевич. Повидайся с ним, желательно не откладывая...

Положив трубку, Рыжов с облегчением вздохнул: все-таки теперь есть хоть какая-то определенность. Остается подождать звонка неведомого Сергея Сергеевича. Раз Владислав призывал его не тянуть, значит, ждать придется недолго...

Спустя полчаса после разговора с Николаем Ивановичем Шамрай переоделся в джинсы и куртку, обулся в кроссовки и пошел выгуливать эрдельтерьера. Выйдя из подъезда и миновав стоянку машин, он спустил собаку с поводка и направился к аллейке, обсаженной еще молодыми, но уже успевшими густо разрастись липами – район здесь элитный, воздух чистый, как говорят остряки, «новое Царское Село», поэтому деревья принимались хорошо.

Вскоре Владислав Борисович различил в сгущающихся сумерках знакомую фигуру неспешно прогуливавшегося пожилого высокого человека, тяжело опиравшегося на массивную трость. Вокруг него носился спаниель, опустив нос к еще влажной после недавнего дождя земле.

Шамрай ускорил шаг, догнал человека с тростью и негромко поприветствовал его:

– Добрый вечер!

– А, это вы, Владик. И вам вечер добрый. Вышли подышать?

– Да вот, прогуливаю псину.

– Я тоже, – кивнул хромоногий и показал тростью на спаниеля. – Сейчас соберет весь мусор ушами, и пойдём домой отмываться в ванне...

Некоторое время они молча шли рядом по аллее, наблюдая за резвившимися собаками. Когда поравнялись с лавочкой, человек с тростью предложил:

– Посадим немного? Вечер такой тёплый и тихий. А мне с моей костяной ногой тяжело выхаживать.

Не дожидаясь ответа, он уселся на лавочку и поудобнее пристроил ногу в большом ортопедическом ботинке. Шамрай присел рядом и предложил собеседнику сигарету.

– Есть новый клиент, – негромко сказал Владислав и выпустил струю сизого дыма, быстро рассеявшегося в свежем вечернем воздухе.

– Надёжный? – человек в ортопедическом ботинке сдул пепел с кончика сигареты.

– Вполне.

– Сколько потянет?

Шамрай немного помолчал, размышляя, потом ответил:

– Если ему немного помочь, то десять миллионов баксов, не меньше.

Человек в ортопедическом ботинке несколько раз глубоко затынулся, щелчком отбросил окурочок и, раскинув руки на спинке скамейки, поднял к темному небу морщинистое лицо.

– Нужно нагрузить клиента, как осла поклажей. На востоке сказали бы: туго свернуть веер здесь и широко развернуть там. Понимаете?

Шамрай молча кивнул. Колченогий добавляет ему новых хлопот, но придется все делать, поскольку это в их общих интересах.

– Кто им будет заниматься? – человек в ортопедическом ботинке начал чертить концом трости непонятные узоры на дорожке.

– Сергей Сергеевич.

Колченогий удовлетворенно кивнул и спросил:

– А как наш друг Трапезников?

– Все в полном порядке, – успокоил Шамрай. – Он уже на месте, нормально устроен.

– Скажите Сергею Сергеевичу, чтобы пока не оставлял вниманием его семейку, – велел человек в ортопедическом ботинке. – Пусть продолжает прослушивать телефон и приглядывать за супругой.

– Как долго?

– Со временем надобность отпадет, тогда посоветуемся и решим. Кстати, стоит также начинать работать с новым клиентом: все надо держать под контролем от начала и до конца. Мы не имеем права рисковать. У него есть семья?

– Да, жена и дочь, которая живет отдельно.

– Дочь тоже под контроль, – жестко бросил колченогий. – Он уже определился: они уходят с ним? Или, как Трапезников, предпочитает отправиться один?

– Пока не ясно, – извиняющимся тоном ответил Владислав.

– Почему?

– Он еще не виделся с Сергеем Сергеевичем.

– Тогда не тяните со встречей. Нужна полная ясность. И быстренько организуйте кредиты через подставных лиц. Если клиент будет просить помощи, не отказывайте. Это на тебе, Владик! – человек в ортопедическом ботинке ласково и покровительственно похлопал Шамраю по плечу большой пухлой рукой. – Канал прежний?

– Да, по старому варианту.

– Хорошо. Пожалуй, я сам свяжусь с Сергеем Сергеевичем. Пусть он проследит, чтобы не произошло утечки информации, – он тяжело поднялся и оперся на трость. – Становится прохладно, мне пора, а вы можете еще погулять.

Шамрай понял: провожать человека в ортопедическом ботинке не нужно. Что же, главное сказано, остается лишь попрощаться.

Глава 2

Звонок Ларисы застал Серова врасплох: она поймала его в кабинете, едва он вернулся с утреннего совещания у руководства Управления. Трубку снял Володя Тур – он сегодня дежурил по городу и поэтому сидел на телефоне, – но тут же передал ее Сергею.

– Слушаю, Серов, – привычно назвался Сергей и услышал в наушнике знакомый голос:

– Здравствуй, Сереженька. Прости, наверное, я тебя отрываю от важных дел, но ты обещался позвонить Татьяне.

Сергей чертыхнулся про себя: нет, она его точно достанет со своей Трапезниковой! Честно говоря, он надеялся, что Лариса забудет об этом звонке, но просчитался. Теперь придется изворачиваться, как ужу под вилами.

– Работы много, – пробурчал он. – Ты не волнуйся, я позвоню. Непременно.

– Она сейчас дома и ждет, – проворковала Лариска. – Позвони, ладно? Я тебя прошу.

– Хорошо, – сдался Серов. – Напомни ее телефон.

Он ожидал, Лариска сейчас вспылит, наговорит колкостей за то, что незнамо куда заделвал бумажку с номером телефона Трапезниковой. Но, к его удивлению, она спокойно продиктовала номер, напомнила, что Татьяна ждет звонка, и попрощалась.

Положив трубку, Сергей взглянул на Тура. Тот деликатно отвернулся к окну, но Серов знал: Володька ехидно усмехается – он узнал голос Ларисы, хотя она не часто звонила Сергею на службу.

Ладно, оставим лирику, а вот звонить Трапезниковой придется, это ясно как Божий день. Если он не сделает это сегодня, Лариса завтра вновь напомнит ему. Не лучше ли покончить с делом Татьяны поскорее? Да вот беда, одним телефонным звонком вряд ли отделаешься. Если все решать по уму, как положено, надо бы с ней встретиться и поговорить: может быть, действительно удастся хоть чем-нибудь помочь? Как лучше поступить – сначала позвонить Трапезниковой и поговорить с ней, а потом сходить к ребятам в розыскной отдел и выяснить, как у них с делом о ее пропавшем муже, или наоборот? Пожалуй, правильнее сначала поговорить с Татьяной, но для этого придется поехать к ней. Приглашать ее в Управление не хотелось: наверняка она и так вся изнервничалась, а тут, в казенной обстановке, может зажаться еще больше и ничего не сказать. Дома, в родной, привычной обстановке человек чувствует себя более раскованно, и разговаривать с ним не в пример легче.

Судя по номеру телефона, Трапезникова жила где-то на Юго-Западе. Не ближний свет, но вдруг повезет подскочить с кем-нибудь на машине?

– Володь! – окликнул Тура Серов. – Узнай, может, едет кто в Юго-Западный округ? А то наша тачанка на профилактике.

Тур связался с дежурным по Управлению, а Серов с другого аппарата набрал номер Трапезниковой.

– Алло? – настороженно сказала она.

– Здравствуйте. Это Сергей беспокоит, от Ларисы, – Серов решил: чем меньше официальности, тем лучше.

– Да, да! Вы знаете, какое у меня несчастье?

– Как раз об этом и хотелось поговорить. Мы сможем сегодня увидеться?

– Я должна подъехать к вам?

– Не обязательно. Если вы не против, я сам нанесу визит, и мы обо всем потолкуем.

– Очень хорошо, – в голосе Трапезниковой просквозило явное облегчение, и Серов подумал: он был прав, решив не приглашать ее к себе. – Записывайте адрес... Когда вас ждать?

– Примерно через полтора-два часа. До встречи.

Закончив разговор, Сергей вопросительно поглядел на Тура.

Тот сообщил:

- Ребята из отдела по борьбе с наркоманией едут туда. Могут тебя подбросить.
- Машина у центрального входа?
- Да. Белый «жигуль», номер 563.
- Прекрасно! Спасибо, Володя. Спокойного тебе дежурства.
- И тебе счастливо.

Серов открыл сейф, вынул из него наплечную кобуру с пистолетом и надел на себя. Поправил ремни, накинул куртку и, помахав рукой Туру, вышел из насквозь прокуренного кабинета...

В длинном и низком полуподвальном помещении, тесно заставленном ящиками с полными и пустыми бутылками, душно пахло прокисшим вином и мокрым деревом. В закутке между штабелей ящиков стоял облезлый письменный стол, за которым сидел темноволосый плотный человек средних лет. Лениво покуривая сигарету, он медленно перелистывал толстый иллюстрированный журнал, разглядывая фотографии полуобнаженных красоток, застывших у роскошных автомобилей. Где-то далеко, около входа на склад, слышались неясные голоса и звяканье посуды.

Телефонный аппарат на краю стола призывно затрещал. Темноволосый человек не спеша отложил журнал, протянул длинную руку и снял трубку.

- Слушаю, – с чуть заметным южным акцентом сказал он.
- Это ты? – спросили на том конце провода.
- Я, – темноволосый рассмеялся. – Ты же знаешь, куда звонишь.
- К Таньке едет мент с Петровки. Понятно?
- Вполне.
- Я перезвоню. Когда лучше, часа через два?
- Через три.
- Договорились.

Темноволосый положил трубку, высунулся в проход между штабелями и зычно крикнул:

- Самвел! Ты где? Иди сюда, дело есть!..

Белые «жигули» Сергей отыскал быстро, но выехать удалось лишь через полчаса – пришлось ждать Женьку Воробьева, который в самый последний момент кинулся подписывать у начальства срочные бумаги. Наконец он прибежал, запыхавшийся, потный. Плюхнулся на сиденье рядом с водителем. Тот лихо вырулил со стоянки. Недовольный задержкой, Серов бросил взгляд на часы и постарался утешиться тем, что, даже потеряв полчаса, он все равно доберется на машине быстрее, чем на метро.

Дорогой болтали о всякой ерунде, обсуждали бесконечно циркулировавшие в среде оперативников слухи о возможных перестановках в руководстве и долгожданном повышении зарплат. Потом кто-то рассказал новый анекдот на эту тему.

Сергея высадили неподалеку от станции метро, и Серов отправился отыскивать нужную улицу. На его счастье, она оказалась совсем рядом – длинная, широкая, с одинаковыми стандартными девятиэтажными домами, застывшими, как солдаты в строю. От проезжей части их отделяли газоны с буйной порослью кустов и деревьев. Посмотрев на номер ближайшего дома, Сергей слегка присвистнул: придется идти почти до конца улицы. Впрочем, прогуляться по свежему воздуху даже приятно – здесь нет ревушего стада автомобилей, заполонивших практически весь город удушающих пешеходов выхлопными газами. Что делать, за блага цивилизации приходится платить, в том числе отсутствием свежего воздуха.

Размеренно шагая, Сергей прикидывал: с чего лучше начать разговор с Татьяной? Наверное, для начала стоит выслушать ее, дать ей выговориться, излить душу благодарному, не перебивающему слушателю – нередко этот нехитрый прием позволял достичь многого, поскольку среди словесной шелухи, охов и ахов скрывались ценные факты, на которые раньше могли не обратить внимания. Конечно, это потребует времени и адского терпения, особенно когда предстоит говорить с пострадавшей женщиной, готовой в любой момент зарыдать или пуститься в пространные воспоминания, но надо умело и ненавязчиво направлять беседу в нужное русло.

Может статься, что испытанный прием не сработает, но никто не застрахован от неудач. И ни в коем случае нельзя давать Татьяне никаких обещаний. Единственное, что он может твердо обещать, – это навести справки, как продвигается розыск ее мужа. Не более того! Искать его самому у Серова нет ни времени, ни возможностей да и, честно говоря, никакого желания. В принципе с человеком могло случиться все что угодно: от несчастного случая и убийства до преднамеренного, заранее хитроумно запланированного исчезновения. С подобным Сергею уже приходилось сталкиваться. Иногда разыгрывались целые спектакли, когда родственники заявляли об исчезновении мужа, брата или отца, а тот спокойненько пересидел в укромном местечке, выжидая, пока уймутся ненасытные кредиторы или успокоится наехавшая на него криминальная группировка. Впрочем, зачем гадать?

Ага, вот, кажется, нужный дом – он тянулся почти на целый квартал и состоял из двух корпусов с аркой посередине, ведущей во двор.

Серов уже ступил на дорожку к арке между корпусами, когда вдруг услышал звон разбитого стекла. Подняв голову, он бросил взгляд наверх и остолбенел – на последнем этаже, пробив окно, на улицу вылетело женское тело. На краткое и жуткое мгновение ветер высоты разметал длинные волосы и парусом надул полы халата. Тело перевернулось в воздухе, стремительно понеслось вниз и глухо ударилось об асфальт дорожки для автомобилей, проложенной вдоль дома.

– А-а-а! – дико закричала пожилая дама, проходившая мимо.

Еще несколько человек остановились, видимо, не понимая, что произошло. Кто-то побежал через газон к упавшей, а Сергей рванул к арке, стремясь поскорее добежать до подъезда.

Самоубийцы не пробивают головой стекла! Эта женщина вылетела из окна явно не по своей воле. Может быть, удастся задержать тех, кто «помог» ей это сделать? Судя по расположению окна, квартира пострадавшей в первом или втором подъезде. Скорее, скорее!

В юности Серов был неплохим спортсменом, да и сейчас старался постоянно поддерживать хорошую физическую форму, поэтому он быстро оказался во дворе – широком, зеленом, с детскими песочницами и качелями. Издали он заметил у первого подъезда темно-вишневый «жигуленок»: других машин поблизости не было, поэтому он сразу же привлек внимание Сергея. На бегу вытащив из кобуры пистолет, Серов передернул затвор и загнал патрон в ствол – с теми, кто выбрасывает людей из окон, шутки плохи!

По счастливой случайности во дворе почти никого, только на детской площадке возились в песочнице двое малышей, а поодаль, наблюдая за ними, судачили о своих делах бабки. Ну, еще быстрее к подъезду! Успеть, только бы усреть! Преступник или преступники могли остаться в квартире: не исключено, что все произошло по пьяному делу, как это, к сожалению, нередко бывает; однако они могли и скрыться, испугавшись содеянного.

Да, но где искать квартиру, из окна которой выбросили женщину, – в первом подъезде или во втором? В какой бежать сначала? Пока ясно только одно – квартира на последнем этаже!

Неожиданно дверь первого подъезда резко открылась, и на крыльцо выскочили двое мужчин. На таком расстоянии Серов не мог как следует рассмотреть их лица. Заметил

только, что оба явно не юного возраста, темноволосые, и один одет в легкую рыжую кожаную куртку. Они кинулись к машине и распахнули передние дверцы.

– Стой!! – заорал Сергей. Надо задержать их и проверить, не причастны ли они к трагическому происшествию. – Стой!!!

Словно подстегнутые его криком, мужчины шустро нырнули в салон «жигулей». Хлопнули дверцы, взревел мотор...

– Стой! – Серов поднял пистолет и выстрелил в воздух. Бабули тут же бросились к внукам, как насадки к цыплятам. – Стой!

Машина сорвалась с места, быстро набирая скорость. Что делать, стрелять на поражение? Краем сознания Сергей отметил: сзади у «жигулей» нет номера, или он настолько прожарен, или покрыт грязью, что его невозможно различить. Еще секунда, и машина скроется – свернет за угол и выскочит на оживленную трассу. Серов прицелился и спустил курок. Бухнул выстрел, пуля пробила крышку багажника, но «жигули» не остановились, а лишь прибавили скорость. Противно визжа тормозами, оставляя на сером асфальте жирный черный след от покрышек, машина, не снижая скорости, исчезла за углом.

Опуская оружие, Серов в сердцах выругался:

– Чтоб тебя!..

Ушли!

Что теперь, скорее бежать наверх, в квартиру? Вдруг это не те, кто выбросил женщину из окна? Но какое-то внутреннее чутье подсказывало – нет, это они!

Влетев в подъезд, Сергей увидел: лифт стоит на первом этаже. Это хорошо – если его вызовут, Серов успеет обогнать кабину. И он кинулся вверх по лестнице, перепрыгивая сразу через две-три ступеньки, благо пролеты оказались невелики. На каждом этаже он на секунду приостанавливался и быстро осматривал ниши справа и слева от лифта, где располагались двери квартир. Но там никто не прятался. Вот, наконец, и последний этаж.

Бросив взгляд на номера квартир, Сергей похолодел – именно в этом крыле квартиры Татьяны Трапезниковой! Да, вот она, слева от лифта, в углу, за стальной дверью. Неужели?..

Сердце болезненно сжалось в тоскливом предчувствии, когда Серов решительно нажал на кнопку звонка. За дверью послышалась мелодичная трель. Он насторожился: не раздадутся ли легкие шаги, не спросит ли женский голос: кто там? Тогда можно вздохнуть с облегчением. Однако за дверью царила глухая тишина. Позвонить в квартиру соседей? Нет, успеется, сначала нужно проверить здесь до конца.

Достав платок, он обернул им ладонь и осторожно нажал ручку двери, слегка потянув ее на себя. Худшие опасения начали оправдываться – дверь оказалась не заперта. Она тихо приоткрылась, и в образовавшуюся щель потянуло сквозняком. Сергей почувствовал, как у него на лбу выступила испарина. Приоткрыв дверь пошире и держа наготове оружие, он затянул в залитую ярким светом прихожую. Никого.

Ковер на полу, на стенной вешалке бежевый женский плащ – еще недавно шли проливные дожди, – широкое зеркало на стене отражало часть комнаты напротив: дверь в нее распахнута настежь. Из прихожей узкий коридорчик вел на кухню. Выходившие в него двери ванной и туалета закрыты.

Серов боком скользнул в прихожую и прислушался – ни звука, словно все вымерло. Куда сначала заглянуть: на кухню, где хозяйки обычно проводят большую часть времени, или в комнаты? Судя по планировке, квартира двухкомнатная, причем комнаты не изолированные, а смежные. И сквозняк – так и тянет мертвенным холодком в открытую дверь! Кажется, дует из комнаты?

Сергей сделал еще шаг, прижался к стене и заглянул в распахнутую дверь. Увидев раздвинутые занавески и разбитое окно, он опустил пистолет, тыльной стороной ладони вытер лоб – скорее всего, поговорить с Татьяной Трапезниковой ему уже никогда не удастся. И

звонить в квартиры соседней тоже нет нужды: можно поставить старый рваный рубль против ста долларов, что та, с кем он сегодня назначил встречу, лежит сейчас внизу, на асфальте. А тут нет никого! Как Серов ни торопился, он пришел слишком поздно!

Уже не таясь, он обошел всю квартиру и убедился: она пуста. Обстановка в комнатах приличная, мебель дорогая, со вкусом подобранные хорошие ковры, картины на стенах, модный кухонный гарнитур. Видно, Трапезниковы не бедствовали. На плите стоял еще горячий чайник – Сергей потрогал его ладонью. Но, как ни странно, нигде не видно никаких следов борьбы – не могла же Татьяна выброститься из окна сама?!.

Серов подошел к окну. В раме торчали неровные окровавленные осколки, похожие на зубы злого чудовища. Ковер на полу у окна тоже весь был усыпан мелкими осколками. Сергей на секунду представил, как живой женщиной выбивали стекло, выбрасывая ее на улицу, и к горлу невольно подкатил ком тошноты. Почему же она не кричала, отчего не сопротивлялась? Ведь ее убивали!

Потрогав кончиком пальца острый, как бритва, край разбитого стекла, Сергей отдернул руку и с ужасом подумал: какой же дикой силой, ловкостью и поистине первобытной звериной жестокостью нужно обладать, чтобы так обойтись с живым человеком, не оставив ему надежды на спасение и возможности сопротивляться. Если это сделали те двое мужчин, скрывшихся на темно-вишневых «жигулях», то они очень опасны! Очень!

Он прошел на кухню, снял трубку стоявшего на столике телефона, набрал номер. В наушнике щелкнуло, и почти сразу послышался знакомый голос:

– Слушаю, Тур!

– Володь, это Сергей. Тут... В общем, даму, с которой я собирался встретиться, убили.

– Ничего себе! – Тур присвистнул.

– Не свисти, – сердито одернул Серов. – Срочно дай ориентировку по городу: пусть задержат темно-вишневые «жигули» четвертой модели. Заднего номера нет, багажник прострелен. Приметы предполагаемых преступников: возможно, кавказской национальности, возраст примерно тридцать пять – сорок лет, волосы темные. Один одет в рыжую кожаную куртку. Записал?

– Да. Как ее? В квартире?

– Выбросили из окна девятого этажа, – мрачно объяснил Сергей. – Сообщи в округ: пусть немедленно пришлют следственно-оперативную группу и труповозку. Хотя им, наверное, и так успели сообщить. А ты давай-ка попробуй сам приехать сюда с группой из Управления. Дело, чувствую, противное, а заниматься им придется нам. Убийство в нашей зоне обслуживания.

– М-да, – крикнул Тур. – Попробую. Жди!

Сергей вышел на лестничную площадку покурить.

Остаться одному в квартире с разбитым окном, в раме которого торчали острые окровавленные осколки, было выше его сил...

Первой, как и следовало ожидать, приехала группа из округа. Они сразу же начали работать на улице, где еще лежало на асфальте тело несчастной Татьяны Трапезниковой, прикрытое старой простыней, принесенной кем-то из сердобольных соседей. Место падения огородили, хмурые постовые отгоняли любопытных. Смотреть на Татьяну, уже не живую, Серов не пошел: он остался наверху.

Вскоре прибыла и группа из Управления – видно, выполняя просьбу непосредственного начальника, Тур приложил все усилия.

Первым из лифта, остановившегося на девятом этаже, вышел хорошо знакомый Сергею следователь Пулов. Вытирая скомканным носовым платком мокрую шею, он приветливо кивнул Серову:

– Охраняешь место происшествия?

– Здравствуйте, Юрий Владимирович, – ответил тот. – Как видите.

Чувствовал он себя отвратительно, поскольку, ожидая прибытия группы, все время думал о том, что, если бы он позвонил Трапезниковой раньше, как просила Лариса, может, ничего бы не случилось. Ему до сих пор так и чудились звон разбитого окна, жуткий крик прохожей и стремительно летящее вниз тело с разметавшимися на ветру длинными волосами.

За Пуловым из лифта вышел эксперт с чемоданчиком, а следом появился озабоченный Володя Тур.

– Что «жигули»? – поинтересовался у него Серов. – Нашли?

– Нашли.

– Бросили? – догадался Сергей.

– Да. На проспекте, недалеко отсюда. А на что пересели, знают только Бог да они сами.

– Понятно.

Пулов осторожно приоткрыл дверь и заглянул в прихожую.

– Ну, пошли, что ли? Пора начинать. А ты, Тур, пообщайся с соседями. Вдруг выудишь чего интересенькое?

– Сомневаюсь, – саркастически заметил Серов, входя следом за Юрием Владимировичем в квартиру. – Судя по всему, работали профессионалы.

– Ты лучше скажи, как сам тут оказался? – спросил следователь. Он подошел к окну и, как совсем недавно Серов, осторожно потрогал торчавшие из рамы окровавленные осколки.

– У нее пропал муж, и она попросила помощи, – объяснил Сергей. – Через одну нашу общую знакомую. Сегодня мы созвонились и назначили встречу. Когда я подходил к дому, увидел, как она вылетела из окна.

– Вот как? – Пулов заинтересованно обернулся. – А кто муж? Что с ним? Ты выяснял в розыском отделе?

– Еще не успел. Хотел сначала с ней переговорить. Меня сюда подбросили на машине ребята из отдела по наркотикам. Думаю, если бы я пилил на метро, то вообще увидел бы лишь труп под окнами дома.

– Полагаешь, не просто совпадение? Я имею в виду назначенную тобой встречу и ее внезапную смерть. Вернее, убийство.

Юрий Владимирович осторожно взял со стола фотографию в рамке. На ней, обнявшись, стояли молодой высокий мужчина и симпатичная женщина с длинными распущенными волосами.

Сергей взглянул на фото через плечо следователя. Скорее всего, это хозяйева, вернее, бывшие хозяйева дома – некогда вполне благополучная и любящая пара. Но теперь один из них пропал без вести, а другая мертва.

– Я не верю ни в какие случайные совпадения, – убежденно сказал Серов.

– Кто еще мог знать о вашей встрече?

Сергей недоуменно пожал плечами: подозревать Ларису? Смешно! Володю Тура? Просто нелепо. Но кому-то все-таки было очень нужно, чтобы он не смог поговорить с Трапезниковой! Неужели она знала нечто такое, за что поплатилась жизнью? Однако женщина уже встречалась с теми, кто ведет розыск ее мужа, говорила с ними и осталась жива! Само собой напрашивается вывод: Татьяна действительно обладала какой-то информацией, но либо не решилась довериться розыскникам, либо получила ее совсем недавно и, на свою беду, попросила помощи у Лариски, у которой есть знакомый на Петровке. Впрочем, может быть, он все слишком усложняет и убийство произошло случайно? Да нет, какие, к черту, случайности! Проникшие в квартиру воры или грабители не стали бы выбрасывать хозяйку из окна: зачем им привлекать к себе внимание и вязаться с мокрухой? И как они вообще вошли, если на

стальной двери не заметно никаких повреждений? Неужели она открыла им сама? Голова пойдет кругом от множества вопросов, ни на один из которых пока нет ответа. И будут ли ответы, а если будут, то когда?!

– Кроме Трапезниковой и меня, знали всего два человека: знакомая, которую она попросила о помощи, и Володя Тур, – помолчал, сказал Сергей. И убежденно повторил: – Я не верю ни в какие случайные совпадения!

– Проверь телефон и проводку, – обернулся Пулов к эксперту. – Нет ли там «клопа»? Вдруг ее прослушивали? И пригласи понятых.

Тот кивнул и вышел. Юрий Владимирович поставил фотографию на место, придвинул к себе телефонный аппарат.

– С определителем? Посмотрим, кто ей звонил...

Однако все номера оказались стерты из памяти определителя.

– Тоже случайность? – невесело усмехнулся Серов.

– Не думаю, – недовольно проворчал Пулов. – Все предусмотрели, подлецы! И машину бросили...

– Значит, заранее подготовились.

– Ты, Сереженька, к сожалению, прав, – вздохнул Юрий Владимирович. – Похоже, убийство-то заказное! А это как раз по твоей части. Что там?

Он обернулся к вошедшему сержанту. Тот протянул следователю полиэтиленовый пакетик:

– Было зажато в кулаке убитой.

– Ну-ка, ну-ка? – Пулов расправил полиэтилен. Серов тоже подошел посмотреть на находку.

В пакетике лежал обрывок цветной фотографии: виден желтый песок, кусочек голубой воды – то ли моря, то ли большого озера, – серый камень и чья-то темная тень. Обрывок фото был не больше этикетки спичечного коробка.

– Да, тут мало чего можно получить, – разочарованно протянул Юрий Владимирович.

– Ага, – кивнул Серов. – Кроме версии, что это принесли преступники.

– С таким же успехом можно выдвинуть версию, что она получила фото по почте, – раздраженно ответил Пулов. – Спасибо, идите! – отпустил он сержанта.

Вернулся эксперт, с ним пришли благообразные старичок и старушка, опасливо присевшие на стулья у двери – роль понятых их явно пугала. Эксперт-криминалист, вытирая тряпкой грязные руки, в ответ на вопросительный взгляд следователя, отрицательно мотнул головой:

– Никаких «клопов».

– Могли успеть снять, если был?

– Не знаю, – эксперт отложил тряпку и открыл свой чемоданчик. Достал из него фотоаппарат и проверил вспышку. – Убрать «клопа» для специалиста дело нескольких минут, а кто скажет, сколько они здесь находились? Телефонный ввод на лестничной площадке: если соседи не высунутся, ковырайся сколько хочешь.

– Дальше телефонную линию проверить можно? Должен же быть распределительный шкаф на подъезд или корпус? – спросил Серов.

– Это вне пределов моей компетенции, – эксперт нацелился объективом на торчавшие в раме осколки. – Надо связываться с телефонной станцией и вызывать электронщиков.

Ярко мигнул блиц, сухо щелкнул затвор фотоаппарата, запечатлев на пленке пробитую телом Трапезниковой дырку в оконном стекле. Пулов, готовясь писать протокол осмотра, присел к столу.

– Вот так вот всегда и бывает, – снимая колпачок с ручки, вздохнул он. – В кои-то веки получил я, Сереженька, в твоём лице «профессионального свидетеля», да оказалось, и от тебя мало толку.

– Что поделать, – уныло отозвался Серов, примостившийся с другой стороны стола. Он хотел дожидаться возвращения Тура: вдруг Володьке повезет, и он принесет в клювике что-нибудь новенькое?

От нечего делать Сергей начал перелистывать настольный перекидной календарь – все равно осмотр и написание протокола дело долгое и хлопотное. Эксперт сейчас зафиксирует обстановку на пленку, потом облазает все с кисточкой и порошками, пытаясь отыскать оставленные преступниками отпечатки пальцев, затем займется дверью и замками: может быть, их даже снимут, чтобы проверить в лаборатории – нет ли на них чуждых следов металла, свидетельствующих о применении отмычки или подборе ключей. В общем, занудливая, рутинная работа.

– Интересно, что скажут судебные медики? – не отрываясь от протокола, ни к кому не обращаясь, задумчиво обронил Пулов.

Серов промолчал. Что скажут, то и скажут, а гадать не в его привычках. Кстати, в календаре многие странички вырваны – видимо, на них имелись записи? Неужели и здесь приложили руку те, кто убил Татьяну? Сергей попытался вспомнить, были ли на руках мужчин, которые скрылись на «жигулях», перчатки. Нет, к сожалению, в спешке он не обратил внимания. Впрочем, перчатки они могли снять, выйдя из квартиры.

Ага, вот интересная страничка: на ней отпечатались записи, сделанные на предыдущей, вырванной, страничке. Продавленные штрихи слабые, но можно попробовать прочесть.

– Посмотрите, – Серов позвал эксперта, – вдруг разберем?

Тот подошел и скептически хмыкнул. Но тем не менее полез в чемоданчик, взял баночку с порошком и мягкую кисточку. Осторожно нанес порошок на листок и подул. Вдавленные штрихи стали немного яснее, и Серов с трудом разобрал торопливо записанные нечетким почерком несколько слов: «Серг. Серг. Каштан».

– Чего там? – заинтересовался Пулов.

– Судя по дате, запись сделана до исчезновения мужа Трапезниковой, – сказал Сергей.

– Да? – Юрий Владимирович с сомнением покачал головой, однако, свято соблюдая принцип не пренебрегать ничем, что может дать хоть какую-то зацепку, приказал эксперту: – Закрепи запись и изыдем. Понятые, подойдите к столу.

Эксперт обрызгал листок специальным раствором из баллончика, аккуратно вырвал его пинцетом из календаря и убрал в полиэтиленовый пакет. Эта пусть небольшая, но все-таки удача воодушевила Серова, и он пролистал весь календарь до конца. Но безрезультатно.

Наконец вернулся Тур и прямо с порога, не дожидаясь вопросов, хмуро сообщил:

– Никто и ничего! В квартире рядом вообще никого нет, на другой стороне площадки дома одна глухая старуха. Соседи этажом ниже слышали звон разбитого стекла. Объяснение я у них отобрал. Все.

– Странно, – потирая подбородок, пробормотал Пулов. – Потерпевшая должна была орать как резаная.

– Тем не менее, – Владимир развел руками. – Шума или криков никто не слышал.

– Во дворе бабки с малышами гуляли, – вспомнил Серов. – Найди их, они могли видеть, как «жигуленок» приехал.

– Да, давай пошустри, – согласился следователь.

Сергей вместе с Туром вышел на лестничную площадку. Закурили.

– Я, пожалуй, поеду в округ, а оттуда в Управление, – Серов нервно затянулся сигаретой. – Не нравится мне все это. Чего я теперь Лариске скажу? Красочно опишу, как стал очевидцем гибели ее знакомой, обратившейся ко мне за помощью?

Владимир деликатно промолчал. Сергей вяло пожал ему руку и начал медленно спускаться по лестнице.

Наверное, теперь он в долгу перед Татьяной Трапезниковой: если не смог и не сумел помочь ей живой, то просто обязан найти тех, кто ее убил. Найти и покарать по закону! Должна же восторжествовать справедливость? Хотя можно ли говорить о Законе и Справедливости в такой стране, как Россия?..

Николай Иванович ждал обещанного звонка на следующий день – ведь Шамрай сам говорил, что нечего тянуть, – но никто не позвонил ни в офис, ни домой. Напрасно прождав еще один день, он заволновался: уж не случилось ли, упаси бог, чего непредвиденного? Однако напоминать Владиславу о себе счел неудобным и решил подождать еще. В конце концов волею судеб он получил дополнительное время для размышлений, прежде чем решиться переступить черту, окончательно подведя здесь все итоги. А это так непросто! Ах, как непросто почти пять десятков лет вариться в одном котле, а потом вдруг очертя голову прыгнуть в другой!

И все же звонок таинственного Сергея Сергеевича застал Николая Ивановича врасплох: он раздался ровно в полдень, когда Рыжов сидел в своем кабинете в офисе фирмы.

– Николай Иванович? – голос в трубке был глуховатый, какой-то бесцветный и совершенно незнакомый.

– Да, я. С кем, простите, имею честь?

– Это Сергей Сергеевич от Владислава.

«Вот и началось, – мелькнуло в голове у Рыжова. – Теперь я совсем близко к черте. Впрочем, прежде чем я переступлю ее, мне обещали разъяснить условия!»

Он быстро бросил взгляд на окошечко определителя номеров в телефонном аппарате, но там, к его разочарованию, зеленовато светились безликие прочерки: либо Сергей Сергеевич звонил из автомата, либо пользовался аппаратурой, не позволяющей засечь его номер.

– Очень приятно, я ждал вашего звонка, – не стал скрывать Николай Иванович.

– Вот и дождались, – без всякого выражения ответил Сергей Сергеевич. – Есть предложение вместе пообедать.

– Когда и где?

– Давайте встретимся через два часа в кабачке «Каштан». Знаете, где это?

– Весьма приблизительно.

– Адрес не записывайте, просто запомните...

– Хорошо, через два часа я буду. Как мы узнаем друг друга?

– Когда войдете, назовите себя мэтру. Он проводит вас к столику.

«Шпионские страсти, – усмехнулся Рыжов. – Ишь как все обставляет: номер его телефона не высвечивается, адрес кабака не записывай, как он выглядит, не говорит. Хотя в том деле, о котором они собираются беседовать, наверное, иначе нельзя?»

– Договорились, – сказал он, и тут же раздались короткие гудки.

Без десяти два Рыжов припарковал свой серый БМВ на тихой улочке недалеко от Таганки. До встречи с Сергеем Сергеевичем оставалось десять минут – примерно столько нужно, чтобы дойти отсюда до «Каштана». Николай Иванович решил: раз начали играть в шпионов, то и будем играть. Свою машину он тоже не покажет.

Ресторан располагался на первом этаже высокого кирпичного дома современной постройки: солидные двери из темного полированного дерева с ярко начищенными латунными фигурными ручками, тонированные стекла, скрывающие от досужих любопытных то, что делается в залах, по обеим сторонам от входа – бетонные вазоны с цветами. У кромки тротуара стояли несколько новеньких иномарок.

Рыжов открыл тяжелую дверь и очутился в просторном холле с зеркалами на стенах и стойкой гардероба, за которой скучал молодой человек в фирменном сером пиджаке с вышитой на нагрудном кармане эмблемой ресторана – резным зеленым каштановым листом с белым стилизованным цветком посередине. Оглядев себя в зеркало, Николай Иванович поправил галстук и прошел в зал – уютный, обставленный мягкой мебелью, выдержанной в пастельных тонах. Негромко звучала приятная музыка, посетителей было мало, и они сидели далеко друг от друга.

Неслышно подошел пожилой, представительный метрдотель и улыбнулся Рыжову, как старому знакомому.

– Рад, что вы посетили наш ресторан. Желаете пообедать?

– Мне заказан столик. Я – Николай Иванович.

– Да. Прошу вас, – еще шире улыбнулся мэтр и повел Рыжова к столику на двоих у окна. Предупредительно подвинул кресло и подал солидную папку меню.

Раскрыв ее, Николай Иванович украдкой бросил взгляд на часы: пять минут третьего. Где же Сергей Сергеевич?

– Разрешите?

Рыжов поднял голову. Около его столика стоял неопределенного возраста мужчина с холодными голубыми глазами. Не дожидаясь ответа, он занял свободное кресло напротив и представился:

– Я Сергей Сергеевич, от вашего хорошего знакомого Владислава Борисовича. Что будем кушать?

– Еще не успел решить, – Рыжов подал ему меню. – Полагаюсь на ваш вкус.

– Надеюсь, не пожалеете, – Сергей Сергеевич подозвал официанта. – Сделайте нам по салатику «оливье», две соляночки и осетринку на вертеле. Спиртного не нужно, принесите сок и кофе с пирожными.

Пока новый знакомый заказывал, Николай Иванович исподтишка разглядывал его, теряясь в догадках, откуда тот появился. Кажется, его не было в зале? Какой-то невзрачный человек. С таким поговоришь, расстанешься и, встретив через пару часов на улице, пройдешь мимо. Разве только узнаешь по пристальному, пронизывающе-холодному взгляду?

Ожидая, пока принесут заказ, закурили. Небрежно стряхнув пепел в хрустальную пепельницу, Сергей Сергеевич тихо спросил:

– Вы уже решились?

– Как вам сказать? – замялся Рыжов. – Если честно, еще в раздумьях.

– Понимаю, – улыбнулся Сергей Сергеевич, и лицо его сразу смягчилось. Он расстегнул пиджак и доверительно сказал: – Знаете, я часто думаю: кто создал эту землю? Бог, матушка-природа или какой-то высший вселенский разум? Но они дали нам общий дом, и мы должны знать свой общий дом, побывать в любых его уголках за то короткое, яркое и мучительно прекрасное время, называемое жизнью! Земля бесценная жемчужина мироздания, и каждый вправе увидеть и оценить всю ее изумительность. Если власть предрешающие мешают сделать нам это, то они совершают смертный грех, возвеличивая себя без меры, считая равными Богу и даже выше его и сильнее, поскольку Господь не создавал границ! Помните: «Несть для меня эллина или иудея...»?

Николай Иванович был слегка ошарашен.

– Вы философ или поэт-мистик? – сказал он и, совершенно неожиданно, признался: – В Канаду хочу! Это возможно?

– Да, – меланхолично кивнул Сергей Сергеевич. – Но почему именно Канада? Потому, что там тоже зима и есть березы?

– Наверное.

– Бросьте, голубчик, – по-свойски похлопал его по руке новый знакомый. – Зачем она вам? – он презрительно скривил губы. – Там, как в Штатах, суровая налоговая система. Поверьте, я знаю, что говорю!

Официант принес хрустальный графин с соком, фужеры, тарелочку с тонко нарезанным хлебом. Поставил перед гостями вазочки с салатом. Пожелал приятного аппетита и удалился.

– И по эту сторону Атлантики, в старушке Европе, есть множество приличных мест, где можно прекрасно устроиться, – продолжил Сергей Сергеевич. Он налил в фужеры сок, сделал глоток, довольно причмокнул и приступил к салату.

– Как все будет происходить? – решился приступить к конкретным вопросам Рыжов.

Сергей Сергеевич вскинул на него холодные голубые глаза:

– Зачем вам такие подробности? Надеюсь, Владислав сообщил, что все отработано и надежно? Я могу это только подтвердить. А выбрать, где окончательно осесть, вы можете уже там, когда осмотритесь и обживетесь. Не стоит торопиться. Не волнуйтесь, вас и там не оставят заботами. Сейчас важно принять решение: идете или остаетесь?!

Николай Иванович тоже занялся салатом. Говорить с доверенным лицом Шамрая не просто. Но нужно! Должен же он, черт бы его побрал, сказать, каковы условия ухода?! Рыжов пришел сюда не вкушать салат, солянку и осетринку, а узнать условия. И он их узнает!

– Сколько я могу увезти?

– Сколько хотите, – усмехнулся Сергей Сергеевич. – Но с вас пятнадцать процентов за нашу работу. Отдаете уже там. Что еще вас интересует? Спрашивайте. Вы же хотели знать условия?

«Он словно читает мои мысли», – подумал Николай Иванович.

– Как с членами семьи?

– Десять процентов с человека. Маленькие дети обойдутся вам от трех до пяти процентов, в зависимости от возраста.

– Значит, если я захочу взять с собой двоих взрослых, мне придется отдать тридцать пять процентов? Круто!

– А наш риск? Ведь мы обеспечиваем вам все! И потом, – Сергей Сергеевич доверительно понизил голос. – Большинство еще не старых мужчин предпочитают уходить в одиночку. Там множество возможностей, поверьте! И одному значительно меньше придется рисковать. Но если есть желание, мы вывезем всех, кого прикажете.

Официант принес солянку, и беседа прервалась. Рыжов лихорадочно прикидывал: если взять жену и дочь, то придется отвалить... Нет, это слишком много!

– Мало брать туда не имеет смысла, – как бы между прочим заметил Сергей Сергеевич.

– Вы правы, – согласился Николай Иванович. И пустил следующий пробный шар: – Владислав говорил: в этом деле нужно помочь друг другу.

– Естественно!

– Я хочу, чтобы мне серьезно помогли.

– Ищите и обрящете! Чего вы хотите?

– Взять капитал своего акционерного общества, – Рыжов решился на полную откровенность.

Сергей Сергеевич задумался. Николай Иванович напряженно ждал ответа: от этого во многом зависело его решение.

– В принципе это возможно, – наконец сказал Сергей Сергеевич. Он вынул из кармана визитку. – Я могу дать вам эту карточку, и тогда все устроится за несколько дней. Но... только после того, как услышу, что вы окончательно решили.

– Хорошо, – Рыжов решил зайти с другого бока. – В чем будет заключаться моя помощь?

– Это вы узнаете тоже после того, как дадите ответ.

– А переход границы? Как перевести деньги? Я хочу иметь гарантии, что там у меня будет дом и все прочее, что нужно человеку для нормальной жизни.

– Ну, голубчик мой, – рассмеялся Сергей Сергеевич. – Не бойтесь, мы работаем цивилизованно. Никаких контрабандистов с черными повязками, кровожадных бандитов или чемоданов с двойным дном. Все, что нужно, вы там получите. Это я гарантирую, поскольку, если вы решитесь, мы отправимся вместе.

– Вот как?! – Николай Иванович немного смешался.

– А как же? Вся ответственность за ваше благополучие ляжет на меня. Ваше дело наконец решить: идете или остаетесь? И если идете, то с кем?

Неслышно подошел официант, собрал грязную посуду и поставил перед ними тарелки с осетриной. Это было как нельзя кстати – Рыжов получил передышку. Конечно, Сергей Сергеевич, по всему видно, тертый калач и давит его, вынуждая немедленно принять окончательное решение. Что делать?

Нет сомнений, он прав, говоря о возможностях, которые откроются перед Николаем Ивановичем, окажись он с приличными деньгами за кордоном. Мужчина он еще не старый, и...

Дочь – отрезанный ломоть: у нее есть квартира, машина, у нее своя собственная жизнь. Николай Иванович дал ей все, что мог и должен был дать заботливый отец. Не будет дурой – не пропадет.

А жена? Любил ли он ее вообще когда-нибудь? Пожалуй, этот вопрос Николай Иванович задал себе так прямо и откровенно впервые за всю их совместную жизнь.

Нет, наверное, никогда он ее не любил. Просто женился по расчету на дочери одного из областных руководителей и с помощью связей тестя продвинулся сразу на несколько ступенек вверх по административно-партийной лестнице. Да, она была ему хорошей женой, но он изменял ей при каждом удобном случае. Почему бы не изменить теперь еще раз, уже окончательно? В конце концов в виде благодарности, можно оставить ей кое-какие средства. Да и пенсию она получит.

– Нежная осетринка, – прервал его размышления Сергей Сергеевич.

– Хорошая...

Рыжов боялся признаться самому себе, что уже все решил.

– Итак?... – Сергей Сергеевич закурил и выжидательно посмотрел на Николая Ивановича.

– Я иду!

– С кем?

– Один, – выдохнул Рыжов, и сразу стало легче на душе.

Сергей Сергеевич молча протянул через стол руку, и Рыжов пожал ее, как бы скрепляя договор. Ладонь у его нового знакомого оказалась сухой и прохладной.

– Владика больше не беспокойте, – негромко начал наставлять Сергей Сергеевич. – Теперь все дела поведете со мной. Не волнуйтесь, у меня нет похабной привычки исчезать в самом разгаре мероприятий. Вот вам визиточка, – он передал Рыжову карточку. – Через пару дней позвоните и спросите Римшу Иосифа Абрамовича. Его предупредят. И крепко держите язык за зубами! Ну, мне пора, я вас сам отыщу.

Он поднялся, застегнул пиджак и вышел из зала.

Николай Иванович проводил его взглядом и занялся визиткой. На изящно оформленной карточке значилось: фирма «Гелиос». Указаны адрес, номера телефона и факса. И больше ничего. Значит, через пару дней он должен позвонить туда, спросить Иосифа Абрамовича, и тот поможет ему вытянуть из акционерного общества все соки, выжав его, как лимон? Интересно, каким образом он сумеет провернуть такую финансовую аферу, да еще

так, что денежки достанутся не кому-нибудь, а Рыжову? Естественно, Иосиф Абрамович непременно возьмет свой процент. Да и пусть, лишь бы все сделал.

«Кстати! – спохватился Николай Иванович. – Сергей Сергеевич обещал ответить, чем я должен помочь Владиславу и компании в благодарность за их услуги. Но, выяснив, ухожу ли я за кордон, Сергей Сергеевич ловко перевел разговор на другую тему, а потом раскланялся. Любопытная личность».

Кофе с пирожными Рыжов вкушал в одиночестве. Закончив обед, он хотел расплатиться, но официант заявил, что все уже оплачено.

Выйдя из ресторана, Николай Иванович закурил и направился туда, где оставил БМВ. Он шел и думал, что многие, очень многие дорого заплатили бы за то, чтобы изменить свою жизнь, начать ее заново. Однако мало кому это удастся. А у него появился шанс! Надо быть круглым вдиотом, чтобы не попытаться воспользоваться им!

Сергей позвонил Ларисе только спустя два дня после гибели Трапезниковой. Он никак не мог собраться с духом и сообщить ей о случившемся, а снимая трубку зазвонившего телефона, боялся услышать голос Ларисы и ее вопрос: «Ты виделся с Татьяной?»

Он не знал, как ей все объяснить, какие найти слова, чтобы она смогла понять его состояние. Серов опасался, что, узнав о смерти своей знакомой, Лариска наговорит такого, что их дальнейшие отношения станут просто невозможны, – Сергей уже успел немного изучить ее взрывной характер и знал: она чаще живет и действует, повинаясь сиюминутным эмоциям, а не разуму.

Наконец он решился позвонить: когда-нибудь она должна узнать о случившемся? Набирая номер, он в душе надеялся, что Лариса носится где-нибудь, но она оказалась дома и сама сняла трубку.

– Привет, – поздоровался Серов.

– Привет, – ласково промурлыкала Лариса. – Где ты пропадал, мой милый?

– Дела, – не желая вдаваться в подробности, лаконично ответил он.

– А я соскучилась. Очень! Когда ты приедешь? Давай сегодня, а? Ну, постарайся освободиться. Буду ждать.

– Хорошо, – едва сдержав тяжелый вздох, пообещал Сергей, хотя ехать к ней ему не хотелось.

Ладно, домой он позвонит и предупредит, что сегодня не придет ночевать, а пресловутый портфель с халатом и тапочками все равно у него на работе: спрятан в тумбе письменного стола.

– Во сколько ты приедешь?

– Не раньше девяти.

– Поужинаем вместе?

– Я не против.

– Целую! – и она положила трубку.

Догадливый Тур поднял голову от бумаг и посмотрел на Серова с искренним состраданием.

– Она еще не знает?

– Судя по всему, нет. Да и откуда? Она же не читает сводки по городу! Впрочем, газеты она тоже не читает.

– Ты ей скажешь?

– Придется, – Серов помрачнел еще больше. – Или у тебя есть другое предложение?

– Нет, – задумчиво ответил Владимир. – С Ларисой вы как-нибудь разберетесь: должна же она понять, что ты не виноват? Меня больше волнует, что по делу пока никаких сдвигов. Тычемся, как слепые, а ничего не можем нащупать. Никто ничего толком не видел и не слы-

шал, осмотр квартиры тоже практически не дал ничего. А начальство скоро начнет трясти нас, как грушу, да и прокуратура не оставит своим вниманием.

Серов поморщился – как ни прискорбно, Тур прав. Несмотря на все усилия, дело Татьяны Трапезниковой не удастся сдвинуть с мертвой точки, а время неумолимо идет, и начальство действительно скоро начнет дергать и погонять. Начальство, конечно, можно понять – над ним свое начальство...

И с розыском мужа покойной – Льва Александровича Трапезникова – тоже полная неясность: он не собирался никуда выезжать, не намечал никаких командировок, а просто в одно прекрасное весеннее утро вышел из дома и не вернулся. Пропал, исчез, растворился без следа!

Серов уже побывал в розыском отделе и ознакомился с делом, тощим, как тетрадка первоклассника. В корочках были подшиты лишь несколько официальных, в общем-то, ничего не значащих бумаг. Родственников у Льва Александровича не осталось, детей он с женой не нажил. Имел фирму, дела которой шли с переменным успехом: так, бизнесмен средней руки, как теперь принято говорить. Его машина осталась на стоянке недалеко от дома, и ее никто не вскрывал, кроме жены, предоставившей розыскникам возможность осмотреть автомобиль. Среди пострадавших в несчастных случаях и неопознанных трупов Трапезникова не обнаружили. Сотрудники его фирмы в один голос утверждали: Лев Александрович всегда был примерным семьянином и не имел врагов, а с партнерами по бизнесу все вопросы решал полюбовно. Если бы его вдруг захватили как заложника, то давно бы уже потребовали выкуп, но по прошествии времени и эта версия отпала. Загранпаспорта он не получал и никогда не высказывал намерений поехать за границу для отдыха.

Куда же он мог деться? Стал жертвой случайного преступления? Но где тогда труп? Как-то не верится, что случайно напавшие на него преступники могли все заранее предусмотреть и надежно запрягли тело, зарыв его в лесу или утопив. Самое интересное: на работу он обычно ездил на автомобиле, но в тот день не воспользовался им, хотя машина стояла с полным баком и в исправности. Загадка, для разгадки которой чуть ли не в пору прибегать к услугам экстрасенсов.

По сведениям, буквально по крупицам собранным розыскниками, ни с какими криминальными структурами Лев Александрович связан не был, к уголовной ответственности никогда не привлекался и долгов его фирма не имела. Никто на нее не «наезжал», рэкетеры не одолевали, кредиторы не досаждали – внешне все вполне пристойно и благополучно. Однако Трапезников бесследно исчез, а потом погибла его жена!

– Остается только работать, – прервал затянувшееся молчание Серов. – Все равно за нас никто ничего не сделает. Но я уверен: между исчезновением Трапезникова, смертью его жены и ее обращением ко мне за помощью есть какая-то связь! Просто мы ее пока никак не можем нащупать.

– Не сегодня завтра получим акт судебно-медицинской экспертизы, может быть, тогда что-нибудь прояснится? – предположил Тур.

– Посмотрим, – буркнул не любивший загадывать Сергей. – Кстати, есть что-нибудь по отпечаткам пальцев, обнаруженным в квартире?

– Эксперты работают, – зевнул Володька.

Вечером Серов отправился к Ларисе. Ехал он с тяжелым сердцем, так и не придумав, как лучше сообщить ей о гибели Татьяны.

Лариса встретила его в длинном, перехваченном широким поясом тонком шелковом халате, выгодно подчеркивавшем достоинства ее фигуры. Едва успев закрыть дверь, она обвила шею Сергея руками и жарко поцеловала в губы, прижимаясь к нему всем телом. Он тоже обнял ее и нежно поцеловал, ощутив тонкий аромат дорогих духов. А она уже расстег-

нула его пиджак, развязала галстук и ошупью принялась за пуговицы на рубаше, шепча, как в бредовом забытии:

– Я так ждала, так ждала...

Серов развязал пояс ее халата, распахнул его и, чуть наклонившись, ласково коснулся губами твердого коричневатого соска. Лариса затрепетала от едва сдерживаемого желания, глаза ее, казалось, стали еще темнее, и в глубине их зажегся хорошо знакомый ему огонь. Он знал – потухнуть ему суждено не скоро.

Сняв с него пиджак, она небрежно бросила его на пол, одним движением плеч заставила соскользнуть со своего тела тонкую шелковую ткань халата и, оставшись совершенно обнаженной, властно потянула Сергея за собой, через гостиную, в полумрак спальни, где стояла широкая, белая с золотом – в стиле Людовиков – кровать.

Нетерпеливо помогая ему раздеться, она, словно в исступлении, жадно целовала его лицо, плечи, грудь, без конца оглаживала жаркими мягкими ладошками и шепотом умоляла:
– Ласкай меня, ласкай!

Сергей крепко сжал ее в объятиях, и она приникла к его губам в долгом поцелуе, увлекая его на широкое ложе и слегка царапая спину длинными острыми ногтями, покрытыми темным лаком. Он ощутил себя в ней, и Лариса глухо застонала, обхватив его бедрами. На какое-то мгновение она вся напряглась, как струна, и тут же полностью расслабилась, целиком отдаваясь во власть его любовных желаний, готовая, как покорная раба, выполнить любую его прихоть, щедро подарив небывалое наслаждение и ему, и себе.

«Ведьма!» – чувствуя, как слегка закружилась голова и он будто погружается в душный, темный омут ненасытных желаний и страстей, успел подумать Серов.

Но эта мысль тут же ушла, и он, в который уже раз, поддался женщине, позволив закружить себя в бешеном водовороте необузданных, диких, опустошавших любовных игр. Она отдавалась ему, как жрица любви, священнодействующая на ложе, забывая в этот момент обо всем окружающем мире и заставляя Сергея забыть все. В эти мгновения реальны были только он, она и их всепоглощающая страсть...

Когда они успокоились и, утомленные, лежали рядом, за окнами давно уже разлилась густо-синяя темнота ночи, разорванная редкими огоньками фар пронесшихся по шоссе машин.

– У тебя торс гладиатора, – Лариса ласково провела кончиками пальцев по его груди и коснулась левого плеча. – Здесь не больно?

– Нет. А что?

– Я укусила тебя, – она смущенно хихикнула. – Прости, не могла удержаться.

– Ладно, – устало ответил он. – Ужином будешь кормить?

– А как же, – она приподнялась на локте. – Я мясо приготовила. Сейчас пойдем на кухню, только я сначала задерну шторы, а то свет не зажжешь.

– И в темноте дорогу найдем, – усмехнулся он.

– Кстати, – собирая пышные волосы на затылке, сказала она. – Я никак не могу позвонить до Татьяны. Телефон молчит, никто не отвечает. Ты виделся с ней?

– Да, – глухо ответил он. С известной натяжкой это была чистая правда...

Лариса заинтересованно повернулась к нему:

– И что она сказала? Можно ли ей хоть чем-нибудь помочь?

– Боюсь, уже нет, – нехотя ответил Серов.

Он надеялся, что Лариска забудет спросить о Трапезниковой или хотя бы начнет этот тяжелый разговор за ужином, а не в постели.

– Уже? – она протянула руку, зажгла ночник на тумбочке и встревоженно поглядела Сергею в глаза, но он сделал вид, что зажмурился от яркого света, хотя ночник едва-едва рассеял сумрак в комнате. – Уже? – недоуменно повторила Лариса. – Что ты имеешь в виду?

– Она мертва, – через силу роняя слова, ответил Сергей.

– Мертва?! – Лариса в ужасе прижата к губам ладонь. – Почему?!

Серов вздохнул: не хотелось отвечать, но какой смысл скрывать правду, если она все равно узнает ее через кого-то из общих знакомых?

– Ее убили. Выбросили из окна.

– О Боже, – простонала Лариса, ощупью отыскивая на тумбочке сигареты. Чиркнув зажигалкой, она жадно затянулась, и Сергей заметал, что по ее щекам катятся слезы.

Она как-то вся съежилась. Прижала колени к груди, обхватила их руками и села на кровати спиной к Серову. Не оборачиваясь, спросила:

– Что там произошло? Ты знаешь?

– Откуда? – в раздражении произнес он. – У меня и так полон рот хлопот, поскольку разбой и убийства у нашего народа в чести. Когда что-нибудь прояснится, я тебе скажу.

– Господи, – по-бабьи всхлипнула Лариса. – И за что только ей такое?

Сергей встал, собрал разбросанную на полу одежду, аккуратно повесил ее на спинку стула. Потом сходил в прихожую, принес халат Ларисы и свой портфель. Она следила за ним полными слез глазами и вдруг резко выкрикнула:

– А ты?! Как же ты так?! Я же просила!

– Я не могу все предвидеть, – накинув на себя халат, ответил Серов, – Когда я приехал, она была уже мертва. Я же не Бог!

– Да, ты не Бог, – она презрительно скривила губы. – Ты хреновый сыщик, Серега! Пустьшка в своем ремесле!

– Сыск не ремесло, а искусство, – ровным голосом ответил он, не желая затевать ссору среди ночи, да еще на голодный желудок. – А насчет того, какой я сыщик... Уж какой есть.

Она бросила окурок в пепельницу, взяла протянутый им халат, надела его и пошла на кухню...

Ужинали в полном молчании, будто два человека, случайно оказавшихся за одним столиком в столовой или ресторане и не расположенных к беседе. Впрочем, Сергей был даже рад этому – уж лучше молчание, чем истерики, а Лариска, с ее буйным характером, вполне способна на шумный скандал даже по менее значительному поводу.

После ужина Лариса с грохотом свалила грязные тарелки в посудомоечную машину, но включать ее не стала, а выкурила сигарету, ушла в спальню, легла и погасила свет. Серов немного посидел на кухне в одиночестве, выпил чаю, приготовил на утро бутерброды и убрал их в холодильник – подруга явно не встанет в шесть утра, чтобы покормить его завтраком. Подобной заботливости за все время их знакомства за ней не замечалось.

В темноте пробравшись в спальню, он скинул халат и скользнул под одеяло. Лариса лежала на боку, спиной к нему, и Сергей нежно погладил шелковистую кожу ее крутого бедра. Он чувствовал: она не спит, а только притворяется, но его попытки помириться ни к чему не привели. Нет, она не сбросила его руку, не повернулась, чтобы наговорить резкостей, – Лариса упорно делала вид, что спит, хотя он прекрасно слышал, как после его ласки участилось ее дыхание. Казалось, еще немного – и она сдастся, однако этого не произошло.

«Ну и ладно, – повернувшись к ней спиной, подумал Серов. – Посплю немного, времени третий час».

Закрыв глаза, он сразу провалился в глубокий сон, и когда утром, ровно в шесть, затрещал будильник, ему показалось, что он смежил веки всего на несколько секунд. Привычно протянув руку, он нащупал кнопку звонка, нажал на нее, и назойливый треск прекратился.

Погода стояла серенькая, небо заволокло низкими дождевыми тучами, давление явно падало и хотелось понежиться в постели, однако Сергей заставил себя встать. Дальше все шло по обычному распорядку – душ, бритье, зарядка, кофеварка на кухне, бутерброды из холодильника. Радио «Ностальжи» сегодня передавало латиноамериканские мелодии.

Откусив от бутерброда, Серов суеверно покосился на телефонный аппарат: вдруг раздастся новый неожиданный звонок? На его счастье, телефон хранил гробовое молчание.

Позавтракав, он прошел в спальню, тихо оделся и посмотрел на спящую Ларису – разбудить ее, сказать добрые и ласковые слова на прощание или пусть спит и видит сны? Интересно, что ей снится? Спросить как-нибудь? Но расскажет ли? Не каждый готов пустить другого в свой сокровенный внутренний мирок, и они с Лариской, несмотря на всю любовную страсть, тоже избегали приоткрывать друг перед другом двери того таинственного храма, который принято называть душой.

Так ничего и не решив, он взял портфель и вышел из квартиры, плотно прикрыв за собой дверь. Автоматический замок мягко щелкнул, словно поставил последнюю точку в их ночном разговоре...

Весь день Владислав Борисович испытывал чувство неясной тревоги, будто чуял приближение тихо подкрадывающегося несчастья: сидя за компьютером в своем тесном кабинете и выкуривая сигарету за сигаретой, он мучительно пытался понять – отчего так муторно на душе? Вроде бы за последнее время не случилось никаких конфликтов ни на работе, ни дома, дела шли своим чередом...

Даже принимая сотрудников или отвечая на важные телефонные звонки, он не мог избавиться от дурных предчувствий. Дома привычная обстановка помогла немного снять нервное напряжение. После ужина он выпил таблетку успокаивающего, прилег на диван и задремал.

Проснулся он оттого, что собака лизала ему руку, чуть прихватывая ее зубами, словно хотела напомнить – пора на прогулку. Шамрай открыл глаза, бросил взгляд на часы, вскочил и начал торопливо переодеваться. Как он мог забыть: сегодня очередная встреча с человеком в ортопедическом ботинке! И Владислав уже опаздывал на нее, рискуя вызвать неудовольствие колченогого – тот почитал пунктуальность одним из залогов безопасности.

Выскочив из подъезда, Шамрай припустил бегом, сердито дергая за поводок, когда эрдель тянулся к столбам, желая ознакомиться с «объявлениями», оставленными другими собаками. Вот, наконец, и укутанная вечерними сиреневыми сумерками аллея. Заметив далеко впереди знакомую сутуловатую фигуру с тростью, Владислав Борисович спустил эрделя с поводка и быстрым шагом догнал колченогого.

– Опаздываете, – вместо приветствия недовольно проскрипел тот поравнявшемуся с ним Шамраю.

– Извините, задержался на работе, – солгал Владислав.

В принципе он догадывался, где и как его знакомый приобрел стойкие привычки старого конспиратора, но уточнять что-либо на эту тему избегал, дабы не вызвать возможного неудовольствия «ортопедического ботинка».

– Как клиент? – после паузы поинтересовался колченогий.

– Решился, – поняв, что прощение за опоздание ему милостиво даровано, со вздохом облегчения сообщил Шамрай.

– Прекрасно. И что дальше?

– Идет один. Его нагрузят, прилично нагрузят. Сергей Сергеевич позаботится. Они уже в полном контакте.

Человек в ортопедическом ботинке достал пачку сигарет, угостил Владислава Борисовича, закурил сам и как бы невзначай бросил:

– Трапезникова мертва.

Шамрай похолодел. Вот отчего он целый день не находил себе места!

– Жена Левы? – ошарашенно переспросил он.

– Да.

– Ему сообщат **туда**?

– Зачем? – колченогий пренебрежительно пожал плечами. – Не думаю, что для него ее судьба представляет теперь интерес. Он же знал, на что шел, обрывая тут все связи.

Владислав Борисович несколько раз жадно затянулся сигаретой и решился спросить:

– Как это произошло?

– Она выбросилась из окна своей квартиры. Кажется, вы бывали у них в доме? Тогда сами понимаете, девятый этаж... А Леву не стоит зря беспокоить: в свое время он оказал нам ряд ценных услуг на валютной бирже. Правда, и сам не остался внакладе.

Человек в ортопедическом ботинке сдержанно посмеялся, и это покорило Шамрая.

– Вы говорите об этой трагедии столь равнодушно и бессердечно?!

Колченогий остановился, тяжело оперся на трость и повернул к Владиславу Борисовичу худошавое лицо с впалыми щеками, прорезанными глубокими складками.

– Ну и что? К вашему сведению, мудрость и бессердечие всегда ходят рука об руку, хотя жестокость отнюдь не означает истинной мудрости, а бессердечие не радует настоящих мудрецов... И вообще мы должны быть крайне признательны Сергею Сергеевичу! К сожалению, Трапезникова начала активизировать розыски мужа. Видимо, где-то просочилась информация, и Татьяна сумела ухватить ее кончик. Где, что и как могло просочиться, мы выясним, не сомневайтесь. Благо, Сергей Сергеевич вовремя принял необходимые меры.

«Татьяну убили, – с ужасом понял Шамрай. – И убили по указке Сергея Сергеевича и человека в ортопедическом ботинке! Боже, что теперь будет?»

– Что теперь будет? – повторил он вслух упавшим голосом. – Нам это чем-то грозит?

– Испугались? – издевательски усмехнулся колченогий. Взяв Владислава Борисовича под руку, он повел его в глубь аллеи. – Правильно, чувство страха присуще разумным, оно помогает им сохранять себя. Я вас прекрасно понимаю, мне самому эта история крайне неприятна: теперь еще ввязалась милиция. Значит, возникнут дополнительные хлопоты.

– Я не высокого мнения об их способностях, – стараясь подладиться под неровный шаг собеседника, заявил Шамрай. – Менты они и есть менты! Лучшие головы у них давно переманили коммерческие структуры.

– Да, из органов произошел серьезный отток мозгов, интеллектуальный потенциал МВД будет восстанавливать долго, но не все из оставшихся дуболомы или бездари, есть и реликты, профессионалы высокого уровня, умные и опасные люди. Один из них – некий Сергей Иванович Серов из городского Управления уголовного розыска. Это не легавая шавка, у него и кличка Волкодав! К глубокому сожалению, он опытен и неглуп.

Владислав Борисович хмуро молчал. На сегодняшней встрече колченогий его ничем не порадовал: не зря, ох не зря весь день точил душу противный червь, обещая неприятности.

– Есть некоторые любопытные подробности, – усмехнулся человек в ортопедическом ботинке.

– Какие? – мгновенно насторожился Шамрай. Неужели еще кто-нибудь выпал из окна? Сейчас он готов был услышать что угодно и ничему не удивиться, однако удивиться пришлось.

– Представьте, что покойная Трапезникова была хорошо знакома с дочерью нашего нового клиента.

– Неужели?!

– Да, а с дочкой сожительствует не кто иной, как тот самый майор Серов. Пришлось мне навести об этом справочки, – как бы оправдываясь, неохотно признался колченогий.

– Как оценивает сложившуюся ситуацию Сергей Сергеевич? – забеспокоился Владислав, сразу забыв о смерти жены Левы Трапезникова. Что думать об этом, когда самому может стать горячо. – Особенно в связи с новым клиентом.

– Перестаньте паниковать, – безошибочно уловив настроение собеседника, колченогий слегка сжал его локоть, как бы обещая полную дружескую поддержку во всем. – Плюньте на Волкодава и прочих: пусть ковыряются! Пока у них нет ничего, кроме трупа несчастной женщины, а Сергей Сергеевич позаботится о том, чтобы больше ничего и не появилось. – Но необходима осторожность. Вы поняли?

– Вполне. Но надо, наверное, предпринять дополнительные меры, – никак не мог успокоиться Шамрай. – Видимо, стоит попробовать придержать милицию? Чтобы не проявляли излишней активности.

– Я же сказал: не паникуйте! – человек в ортопедическом ботинке выпустил его локоть и повернул обратно, туда, где сквозь густую зелень желто светились окна домов. – У каждого свои функции. Ваши заключаются в том, чтобы поставлять надежных и состоятельных клиентов. Ясно?

– Да, да! Я надеюсь на вас и Сергея Сергеевича.

– Вот и хорошо. Можете еще погулять, вам полезно проветриться, а то сидите целый день в прокуренном кабинете. А мне пора. Всего доброго. Надеюсь, в следующий раз вы появитесь без опоздания.

Колченогий на прощанье вяло взмахнул рукой и захромал по дорожке. Спаниель, увидев, что хозяин уходит, догнал его.

Проводив их взглядом, Шамрай сел на лавку: хотелось побыть в тишине и одиночестве, немного успокоить расшалившиеся нервы и обдумать услышанное. Как теперь с Колькой? «Поведут» его, или, ради пущей осторожности, человек в ортопедическом ботинке предпочтет отыграть назад, оставит Рыжова здесь и оборвет с ним все контакты? В самом скором времени это станет ясно...

Глава 3

После встречи в ресторане Николая Ивановича долго мучил вопрос: как Сергей Сергеевич безошибочно опознал его, если до того они никогда не встречались? Показал метр-дотель? Но вместо Рыжова мог прийти другой человек и назваться его именем – в делах такого рода подобные игры не исключались. Тем не менее человек с холодными голубыми глазами был уверен: за одним столиком с ним сидит именно тот, кто ему нужен! Значит, таинственный Сергей Сергеевич имел возможность заранее изучить фото Рыжова?

«Уж не завели ли они на меня досье? – тоскливо подумал Николай Иванович. – Могли и слежку установить, чтобы знать, где я бываю, и телефон прослушивать. Судя по всему, компания там серьезная и работает профессионально».

И он с еще большим нетерпением стал ждать, когда можно будет звонить в «Гелиос». Наконец этот день настал. Ровно в десять Николай Иванович набрал указанный на карточке номер телефона. В трубке прозвучало несколько тактов регтайма, потом приятный женский голос проворковал:

– «Гелиос», добрый день.

– Будьте любезны Римшу Иосифа Абрамовича.

– Извините, кто его спрашивает?

– Рыжов. Николай Иванович Рыжов.

– Секундочку.

Снова прозвучало несколько тактов регтайма, и глуховатый мужской голос спросил:

– Николай Иванович? Когда мы сможем увидеться?

– Когда нужно? – несколько удивленный таким началом разговора, ответил Рыжов.

– Чем быстрее, тем лучше, – хмыкнул Иосиф Абрамович. – Давайте сейчас? Полчаса хватит, чтобы до нас добраться? Записывайте адрес... И захватите печать своей фирмы.

Через двадцать минут Рыжов остановил БМВ в переулке неподалеку от Арбата, где располагался офис «Гелиоса». За массивной стальной дверью его встретил охранник в черной униформе. Николай Иванович назвал себя. Охранник по внутренней связи вызвал секретаршу, и вскоре Рыжов с удивлением увидел некрасивую тощую женщину в очках.

«И этой засушенной вобле принадлежит голос чарующей сирены? – подумал он. – Интересно, каков же тогда Иосиф Абрамович?»

Секретарша провела его на второй этаж и предупредительно открыла перед гостем дверь кабинета главы «Гелиоса». Переступив порог, Николай Иванович оказался в просторной светлой комнате, где за огромным, заваленным бумагами, старинным письменным столом сидел тучный курчавый человек в модном темном костюме. Вынув изо рта дымящуюся трубку, он изобразил на брыластом лице подобие радушной улыбки и показал мундштуком на кресло у стола:

– Располагайтесь!

Привстав, он протянул через стол руку, и Рыжов пожал пухлую, мокрую ладонь. Опустившись в кресло, он с брезгливостью незаметно обтер руку о брюки.

– Ну, – Римша выпустил клуб ароматного табачного дыма и небрежно сдвинул бумаги в сторону. – Я в курсе ваших проблем. Скажите, сколько вы намеревались выжать из своей лавки?

– Миллионов пять баксов, – нерешительно проговорил Николай Иванович и, заметив, как презрительно скривились губы Иосифа Абрамовича, быстро добавил: – Может быть, восемь?

– Ради таких мелочей не стоило затеваться, – засмеялся глава «Гелиоса». – Не пять, а минимум двадцать пять!

На лбу у Рыжова выступила легкая испарина – двадцать пять миллионов долларов! Это же придется, как в детской сказочке, по коробам поскрести, по сусекам помести. И – что самое неприятное – как он объяснит совету директоров необходимость вложения незнамо куда столь значительной суммы? Впрочем, эти деньги станут его деньгами, поэтому ему и выкручиваться – не зря же он просил Сергея Сергеевича помочь ободрать акционерное общество?

– Я попытаюсь собрать эту сумму, – пробурчал он.

Иосиф Абрамович хитро прищурил черные глаза и довольно усмехнулся:

– Еще мы дадим вам кредиты. Все необходимые бумаги готовы. Вы привезли печать?

– Да, – упавшим голосом подтвердил Рыжов и неуверенно спросил: – А как же те, кто даст кредиты?

Он прекрасно знал, как вышибают из должников деньги, и не желал получить лишнюю головную боль: сейчас тебе дадут деньги, а потом заработаешь кучу неприятностей. И на дне моря достанут, а чего уж за границей?! За такие бабки убьют, даже если спрячешься в заднице у какого-нибудь зулуса в африканских пампасах.

– Это не должно вас волновать, – уверенно ответил Римша. – Банкиры знают, что и зачем делают. Подписываем договор, и кредиты, минуя счет вашей фирмы, тут же уйдут по назначению.

– Какой договор? – осторожно поинтересовался Николай Иванович.

– Вот, – Иосиф Абрамович тяжело повернулся, открыл дверцу стоявшего рядом со столом массивного сейфа, достал из него темную папку и подал ее Рыжову. – Вы бросаете все дела с недвижимостью и начинаете перекачивать средства в сферу строительства. Читайте!

«Он многое знает, – как-то отстраненно подумал Николай Иванович, раскрывая папку. – Прелестная у Владика компания! Однако стоит отдать им должное: действуют они быстро и напористо. Что же, посмотрим, какой ход они предлагают!»

В папке лежал оформленный по всем правилам договор, согласно которому акционерное общество Рыжова покупало у фирмы «Гелиос» сборные дома. Там же лежали гарантийные письма от неких фирм, выражавших готовность приобрести сборные дома у его акционерного общества. Все документы были составлены очень грамотно и хитро с юридической точки зрения: глава акционерного общества, заключившего договор с «Гелиосом», то бишь сам Рыжов, имел право отказаться от сделки, разорвать договорные отношения и получить обратно вложенные средства, но при этом платил неустойку.

«Процент Римши за риск, – понял Николай Иванович. – Кругом приходится платить за оказанные услуги. Хотя кто сейчас что-то делает бесплатно?»

В той же папке нашлись и документы на получение кредитов под договор с «Гелиосом». Рыжов догадался: его «нагружают» чужими деньгами, скорее всего, принадлежащими Шамраю и компании, – он, как паровоз, вытянет их за рубеж, а Владик и его приятели при этом ничем не рискуют. Ловко придумано, ничего не скажешь! Но какая сила стоит за Шамраем! Ведь ни один банк просто так не даст кредит: у банкиров и копейки «под воздух» не выжмешь!

Естественно, принеси он эти бумаги в свое акционерное общество, совет директоров не устоит перед соблазном сорвать на сделке приличный куш. Любые сомнения и голос разума затмит размер прибыли со многими нулями. Тогда нужная ему сумма непременно будет собрана, даже если для этого придется выжать все счета, как лимон. А сок выпьет он один?

На миг ему стало страшно, мелькнула мысль – а не послать ли куда подальше Шамрая, его приятеля Сергея Сергеевича и жирного Римшу? Сидел тут и сиди. Зачем тебе новая жизнь?

С другой стороны, не поздно ли посылать: уж слишком глубоко он влез в их кухню! Сколько бы Владик ни клялся, что Николай Иванович останется нем как рыба и унесет с собой их тайну в гроб, они предпочтут, чтобы он унес ее туда немедленно...

Рыжов зябко передернул плечами от таких мрачных размышлений, и Римша, не догадавшийся, какие сомнения одолевают гостя, вежливо спросил:

– Дует из окна? Давайте закроем. Я, знаете ли, люблю свежий воздух.

Он встал, намереваясь захлопнуть фрамугу, но Николай Иванович остановил его:

– Спасибо, не нужно. Я тоже люблю свежий воздух... Скажите, Иосиф Абрамович, каков, э-э-э, скажем так, механизм моих действий после того, как я подпишу бумаги?

– Главное – отправить деньги на наш счет, – вычищая трубку, лениво процедил глава «Гелиоса». – А когда поступит подтверждение в получении денег, вам все объяснят.

– Кто объяснит?

– Тот, кто направил вас ко мне, – с легким раздражением ответил Римша. – У вас что, есть сомнения? По-моему, все сделано, как нужно, и вы получаете именно ту помощь, о которой просили.

– Да, конечно, – промямлил Рыжов.

– Тогда в чем дело? – Иосиф Абрамович набил трубку табаком и раскурил ее. – Мы филиал латвийской фирмы, вы заключаете с нами договор и получаете кредиты. Как перегнать баксы через границу, уже наша головная боль. Все чисто и законно. И потом, – он затянулся и сделал легкую паузу. – Спустя некоторое время вам будет все равно, каким образом вы содрали шкуру со своего акционерного общества. Итак, давайте вашу печать! Мы подписываем бумаги или нет?

– Подписываем, – решился Николай Иванович, вынимая из кармана футляр с печатью.

– Чудесно, мой друг, – Римша расплылся в улыбке.

Рыжов еще раз перечитал договоры, поставил под каждым свою подпись и приложил печать. Все, дело сделано. Сегодня он перешел еще один рубикон.

Вздохнуть с облегчением Николаю Ивановичу удалось только после того, как он вытребовал с партнеров по бизнесу необходимую сумму. Правда, совет директоров собрался далеко не в полном составе, и, конечно, решающую роль сыграла сумма ожидаемой прибыли. Однако все дело чуть не испортил пессимистически настроенный заместитель Рыжова Юдин.

– Мы можем остаться совершенно голыми, – тоскливо глядя в окно, протянул он. – На счетах пусто, а чем платить зарплату сотрудникам? Кроме того, у нас есть другие обязательства.

– Перестаньте, Виктор Григорьевич, – недовольно поморщился Рыжов. – Вечно вы в праздники с панихидой! Успеем обернуться.

– А если нас подведут покупатели? – не унимался Юдин, и Николай Иванович решил разом пресечь все возможные сомнения. Не то, чего доброго, другие тоже начнут задумываться, и тогда его замысел покатится в тартарары.

– Все! – хлопнув ладонью по столу, решительно сказал он. – На днях я представлю договоры с покупателями и потребуем предоплаты. Вот и проворот средств! Хватит болтовни, иначе мы проквашаем ушами выгодный контракт и действительно останемся на бобах!

И все же нужную сумму собирали с трудом: отказались от одной из перспективных программ, задержали платежи некоторым партнерам, но тем не менее дело сделали. Николай Иванович еще раз порадовался предусмотрительности Римши, когда, как козырного туза, выложил на стол бумагу, подтверждающую, что сборные дома находятся уже в Москве, на

складах «Гелиоса», и первую партию продукции можно получить, как только деньги поступят на счет поставщика.

Теперь его волновало другое – где Сергей Сергеевич, почему от него ни слуху ни духу? Ведь обещал, подлец, что не исчезнет в самом разгаре мероприятий! Со дня на день поступит подтверждение оплаты, и компаньоны возьмут Рыжова за горло – где сборные дома, где покупатели, где обещанная прибыль?! Что им прикажете отвечать?

В один прекрасный вечер Николай Иванович твердо решил: если завтра опять ничего не произойдет, он сам возьмет Владислава за горло! В конце концов именно он втравил его в эту историю – так пусть помогает вылезти из дерьма!

Домой Рыжов поехал в отвратительном настроении. Поставив машину во дворе, он направился к подъезду, как вдруг рядом с ним притормозил невзрачный старенький «жигуль», и знакомый голос окликнул:

– Николай Иванович!

Рыжов обернулся и увидел сидевшего за рулем Сергея Сергеевича. Вот кого он страстно желал увидеть, но никак не ожидал увидеть сейчас!

– Садитесь, прокатимся, – открывая дверцу, предложил Сергей Сергеевич. – Надо поговорить.

Николай Иванович послушно сел рядом с ним, и машина выехала со двора, запетляв по переулкам.

– Наверное, грешным делом подумали, что вас бросили в самый неподходящий момент, а? – засмеялся Сергей Сергеевич.

– Подумал, – признался Рыжов, закуривая сигарету. Неужели ему сейчас сообщат, что все сорвалось? Ну, тогда пусть пеняют на себя: нервы у Николая Ивановича и так натянуты до предела.

– Я знаю, вы встречались с Римшей, – Сергей Сергеевич немного сбросил скорость. – Деньги уже в зарубежном банке, и теперь не стоит терять драгоценного времени. Сложите в портфельчик самое необходимое: смену белья, чистую рубашку, бритву, зубную щетку, и завтра встречаемся на Рижском вокзале. Не опаздывайте, поезд не станет ждать.

– Мы уезжаем? – удивился Рыжов.

– Да, навсегда, – притворно вздохнул Сергей Сергеевич. – По крайней мере вы уезжаете навсегда, а я, видимо, еще вернусь. Остались, знаете ли, кое-какие незавершенные дела.

– Я как-то... – пробормотал Николай Иванович. Он не ожидал, что это случится так быстро и внезапно.

– А вы намеревались болтаться здесь, как цветок в проруби? – издевательски ухмыльнулся Сергей Сергеевич. – Не советую! Кстати, не забудьте паспорт и договоры с Римшей.

Рыжов почувствовал легкое раздражение от этих слов: поистине, его постоянно ставили в тупик и заставляли действовать совершенно не так, как он привык. Однако, может быть, именно в этом и кроется секрет успеха Шамрая и компании?

– И куда мы едем?

– В старый добрый город Ригу.

– Но это же Латвия! Наверное, мне нужен загранпаспорт и виза? – спросил Рыжов.

– Пустое! – резко оборвал его Сергей Сергеевич, сворачивая в слабо освещенный переулок. – Ничего не нужно, только договоры и ваш обычный паспорт. Все! Никому ничего не говорите, упаси вас бог писать прощальные записки жене или дочери, или хоть как-то намекнуть им, что вы уезжаете. Ясно? Если кто-нибудь позвонит с работы, тоже ни слова! Все должно идти как обычно. Утром выходите из дома и растворяетесь в пространстве! Машину оставляете на стоянке, до вокзала добираетесь на метро. С собой лишь кейс, а в нем документы, бритва, зубная щетка и смена белья.

– Не нужно мне втолковывать, как недоумку, – обиделся Николай Иванович. – Я все прекрасно понял, но почему такая таинственность? И это ваше неожиданное появление на помятой колыхаге?

– Вас же потом будут искать, голубчик, – как-то угрожающе-ласково сказал Сергей Сергеевич, и Рыжову стало не по себе. – Вы разве не понимаете? Или прикидываетесь?

– Понимаю.

– Тогда делайте то, что вам велят! Если опоздаете на поезд, пеняйте на себя!

– Я буду вовремя. Но как-то это все...

– Нормально! – Сергей Сергеевич похлопал его по колену. – Успокойтесь. Неожиданность моего появления вызвана мерами предосторожности. Пока мы вас еще ни в чем не подвели.

– Пока да, – согласился Рыжов. – Дай Бог, чтобы так было и дальше.

– Так и будет! Все, сейчас отправляйтесь домой. Помните, что я сказал: концы надо рубить сразу!

Притормозив у кромки тротуара, он высадил Николая Ивановича и уехал. Рыжов посмотрел на часы – десять. Через два часа наступит день, которого он ждал и немного страшился, как боятся неизвестности, притаившейся во мраке. Отступить теперь все равно уже нет возможности, и остается лишь уповать на Сергея Сергеевича и Шамрая.

Обойдя дом, он медленно добрал до подъезда, вошел в него, поднялся на лифте. Открывая ключом дверь квартиры, Николай Иванович вдруг подумал: неужели завтра она закроется за ним последний раз в жизни? Как это странно и страшно. Сбежав на Запад, он вряд ли вернется в Россию: все пути сюда будут отрезаны. Боже, по сути дела, у него сегодня прощальный вечер – он прощается со всем, что было ему здесь мило и дорого, и даже с тем, что вызывало неприятие и отвращение или глубокое безразличие. Впереди ждут иные города и страны, другие люди, новые женщины, но того, что было здесь, уже не вернуть. Никогда!..

– Это ты, Коля? – услышав его шаги в прихожей, крикнула из кухни жена.

– Я, – глухо откликнулся Рыжов.

Переобувшись, он прошел в гостиную и обвел ее глазами, словно видел впервые. Такая ухоженная, уютная, обставленная тщательно подобранной мебелью, она показалась ему чужой, как гостиничный номер, в котором предстояло провести всего одну ночь.

В кабинете Николай Иванович достал из платяного шкафа импортный несессер. Взял пару свежего белья, рубашку, сунул их в полиэтиленовый пакет и положил все в кейс. Договоры с «Гелиосом» были уже там. Так, что еще? Паспорт? Ага, вот он, сунем его в кармашек на крышке и туда же, на всякий случай, положим деньги. Пожалуй, тысячи две долларов хватит на непредвиденные расходы? Хорошо бы еще иметь какое-нибудь оружие, например, пистолет, но оружия у него никогда не было. Ладно, все!..

За ужином он был молчалив и задумчив, но жена не досаждала ему расспросами, зная по опыту: если супруг сам не говорит, что его мучит или беспокоит, вызывать его на откровенность напрасный труд. Поэтому она предпочла завести разговор о разных пустяках, но он сослался на головную боль и предложил пораньше лечь спать.

– Ты не возражаешь, если я почитаю? – разобрав постель, спросила она.

– Читай, – равнодушно ответил Николай Иванович. – Мне не мешает.

– Тебе дать таблетку от головной боли?

– Спасибо, не нужно, – он улегся на бок и подумал: сейчас в самый раз махнуть стакан водки без закуски, а не таблетку.

Поезд уходит ближе к вечеру, значит, предстояло где-то проболтаться почти целый день. Машину Сергей Сергеевич брать запретил, на работе появляться нельзя, задерживаться дома тоже. Где же скоротать время до отъезда? Впрочем, сейчас много разных заведений, где можно сидеть хоть сутки напролет. Но хорошо ли это: Сергей Сергеевич просил

ни с кем не встречаться и нигде не светиться. Придется, видно, болтаться по улицам или посидеть в парке. Тоже не лучший выход, зато получится прощание с городом.

Последний раз он спит рядом с женой, в своей постели, в этом доме, на этой улице, в этом городе и вообще в этой стране...

Стоит ли жалеть? Будущее покажет...

Начальник отдела Мякишев пригласил Серова в свой кабинет сразу после ежедневного утреннего совещания, прозванного остряками «молебном».

– Что там у вас по делу Трапезниковой? – предложив Сергею присесть, Мякишев сразу взял быка за рога.

– Похоронили ее, Александр Трофимович, – вздохнув, сообщил Серов.

Говорить об убийстве Татьяны ему совершенно не хотелось; пока в деле нет ни одного просвета.

– Это я знаю, – Мякишев ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу сорочки и направил на себя стоявший на краю стола вентилятор: лето еще только-только начиналось, а город уже успел насквозь прокалиться от жары. – Это я знаю, – повторил он. – Меня интересует, что конкретно сделано? В твоей зоне, Серов, убийство за убийством, и пока ни одно из них не раскрыто!

– Убивают каждый день, – огрызнулся Сергей. – В наше время это, к сожалению, стало заурядным преступлением. Убивают банкиров, депутатов, журналистов и простых граждан. Если убьют известного человека, власти дают клятвенное обещание найти и покарать преступников, но не находят и не карают, поскольку, как искать убийц и прочих криминальных элементов, они не знают и делать этого не умеют! Отдуваться приходится нам. Однако я, Александр Трофимович, в отличие от начальства клятвенных обещаний давать не намерен!

Мякишев скривился, как от зубной боли, вытянул из лежавшей на столе пачки сигарету и закурил.

– Ну, ты чего, в самом деле? – примирительно сказал он. – Думаешь, мне «наверху» хвост не накручивают за нераскрытые дела?

– Не думаю. Потому и говорю откровенно.

– Если откровенно, – прищурился Мякишев, – то в случаях с депутатами, банкирами и журналистами хотя бы можно предположить, почему их грохнули. Сам знаешь, как вся эта братия замазана дерьмом. Или вступает в связь с криминальными группировками, а потом, когда прижмет, лезет по-глупому разоблачать, наивно полагая, что это сойдет с рук. Но Трапезникову-то за что? За какие трехи?

– За мужа!

– Кто он? Предприниматель?

– Да. Без вести пропал месяца два назад.

– Дело есть в розыском отделе, ты проверял?

– А как же, – усмехнулся Сергей. – Гражданин был чист как стеклышко. Потом в одно прекрасное утро ушел из дома и не вернулся. Жена заявила, розыскники посуетились, но безрезультатно, а вот когда она попросила моей помощи, ее тут же убили.

– Выбросили из окна, – уточнил Трофимыч.

– Да нет, раньше!

– Как это? – Мякишев удивленно уставился на Серова.

– Судебно-медицинская экспертиза показала: еще при жизни ей нанесли страшной силы удар, сломав кости грудины, – объяснил Сергей. – Осколки ребер пронзили сердце и легкие. Поэтому она не кричала, когда ее выкинули из окна. Стекло разбивали уже трупом.

– Вот как?

– В квартире стальная дверь, – продолжил Серов. – Видимо, убийцы под каким-то предлогом уговорили Трапезникову открыть им и тут же нанесли ей смертельный удар. А предлогов могло быть несколько.

– Например?

– Могли назваться и моим именем, – мрачно сказал Сергей. – Мы договаривались о встрече по телефону, она ждала моего прихода, но не знала меня в лицо. Я не исключаю, что ее телефон мог прослушиваться, хотя «жучка» при осмотре не обнаружили. Могли сказать, что есть какие-то известия о ее муже или от него самого. В любом случае убийцы имели веский предлог, но какой, мы теперь узнаем только у них.

– Если найдем, – с сарказмом добавил Мякишев.

Он закурил новую сигарету и подумал: «Судя по всему, дело Трапезниковой будет долгим и запутанным. Слишком многое говорит за то, что это заказное убийство. Почему? Серов явно старается свалить все на пропавшего мужа. А если он прав?»

– Слушай, – Александр Трофимович сделал неопределенный жест рукой. – Ее муж, как его?

– Лев Александрович, – подсказал Сергей.

– Вот, этот Лев Александрович не прихватил с собой какие-нибудь капиталы? Вдруг получил крупный кредит в банке, а потом как в воду канул?

– Пока не знаю, – честно ответил Серов.

– А ты поинтересуйся. Надо было давно проверить, узнать!

– Непременно. Конечно, если хватит времени.

– Надо находить время!

– Где?

– Не знаю! – зло выпучив глаза, заорал Мякишев. – Не знаю где! Ты доволен моим ответом?

– Да перестаньте, Александр Трофимович, – невозмутимо сказал Сергей. – И так всем все ясно, неужели первый год работаем вместе?

– Тогда чего спрашиваешь, если все ясно?

– По привычке, – улыбнулся Серов. – Она, говорят, вторая натура.

«Нервничает Трофимыч, – подумал он. – Наверняка ему влили, а теперь он рикошетом бьет по мне, хотя прекрасно понимает: здесь не бытовуха, когда собутыльники порешили друг друга в пьяной драке. Там и раскрывать нечего! Но в случае с Татьяной Трапезниковой еще придется не только посуетиться, но и помучиться».

– Ладно, поможем вам с Туром, – немного остыв, сказал Мякишев. – Сам позвоню в Управление по борьбе с экономической преступностью. Может, у них есть компромат на Трапезникова? Кстати, он не уехал за границу?

– Загранпаспорт не получал, розыскники проверили.

– Попробуем и в ФСБ попросить помощи, – пообещал Александр Трофимович.

Серов в ответ только горько усмехнулся – нужно это дело ФСБ, как зайцу триппер! У них своих забот полон рот, а гражданин Трапезников, бесследно исчезнувший почти два месяца назад, вряд ли был агентом иностранной разведки или имел доступ к секретам государственной важности. Насколько известно, он даже никогда не работал на предприятиях оборонного значения.

В возможностях Управления по борьбе с экономической преступностью и налоговой полиции он тоже серьезно сомневался. Коммерсанты уже научились свято хранить свои тайны, и за последние годы страна буквально покрылась сетью служб безопасности коммерческих структур, которые платят своим сотрудникам не в пример больше, чем государство. Сколько прекрасных специалистов дельцы переманили из органов внутренних дел и госбе-

зопасности! Все хотят прилично жить и зарабатывать, поэтому люди и уходят, а кто платит, тот и заказывает музыку!

Теперь секреты коммерческих структур охраняют бывшие сотрудники национальной безопасности, ФСБ и МВД, имеющие немалый опыт и отлично знакомые с любыми методами и приемами, которые могут применить против их хозяев те, кто остался на государственной службе и желает вывести нечистых на руку «новых русских» из их темного мирка на ясный свет и посадить на скамью подсудимых. Еще страшнее, когда возникает противоестественный симбиоз службы безопасности коммерческой структуры, как правило, состоящей из бывших оперативных работников, которые всю жизнь душили преступников, как крыс, и «крыши», которую дают дельцам криминальные структуры. Попробуй туда сунуться!

Не стоит сбрасывать со счетов и коррупцию: сегодня человек еще служит в органах и вроде бы активно борется с преступностью, но уже получает пухлые конверты от бывших сослуживцев, с которыми сохранил дружеские отношения, в обмен на конфиденциальную информацию и другие услуги коммерческой структуре, где и ему, при выходе на пенсию, обещают предоставить теплое местечко. Все это есть, чего греха таить!

Говорить ли об этом Мякишеву? За последние годы Серов приучился никому не доверять: жизнь слишком изменилась, и вместе с ней разительно изменились многие люди. Нет, он не подозревал, что Трофимыч тоже тайком получает конверты с «зелеными», однако береженого Бог бережет. Лучше не распускать попусту язык в присутствии руководства.

– Мог он умотать на Украину или в Белоруссию? – прервал молчание Мякишев. – Или в тот же Казахстан? Границы там, как принято теперь говорить, «прозрачные»: ни визы, ни загранпаспорта не требуется.

– Мог, наверное, – скучно согласился Сергей. – Да только кто его там будет искать по нашим ориентировкам? Все теперь «самостийные», блюдут собственные интересы. Чего стоит приехать из того же Киева в Москву, всадить здесь в человека пулю или выбросить из окна и преспокойненько отбыть обратно?

Трофимыч утвердительно кивнул и нервно побарабанил пальцами по крышке стола, словно никак не поспевал ухватить за хвост ускользающую мысль.

– Да, – наконец вспомнив, он поднял глаза на Серова. – Оттиск записи на календаре! Кажется, там было имя и слово «каштан»? Ты уже занимался этим?

– Вплотную еще нет. Кстати, «каштан» может означать что ни попадя, вплоть до клички или цвета волос. Ну а имя, помеченное на листочке, это, скорее всего, Сергей Сергеевич. Вот если бы еще Трапезников или его жена записали, кто он и откуда, или черкнули номер его телефончика... В Москве и области пруд пруди Сергеев Сергеевичей. К тому же кто поручится, что он имеет отношение к убийству? Или исчезновению Трапезникова? Имя может оказаться вымышленным.

– М-да, – хмыкнул Мякишев. – Любопытное дело. Ладно, иди работай и держи меня в курсе.

– «Наверху» этим делом интересовались? – как бы невзначай спросил Сергей.

– Конкретно нет, – ответил Александр Трофимович. – Вливали сразу за все...

Вернувшись в свой кабинет, Серов уселся за стол и закурил. Тур где-то носился по делам, и Сергей был даже рад немного побыть в одиночестве, прежде чем вновь с головой окунуться в привычную круговерть.

То, что делом Трапезниковой еще не интересовались «наверху», – уже благо: по крайней мере не станут без конца попусту дергать. Но уж коли Трофимычу «влили», значит, тучи сгущаются и скоро потянут к начальству на ковер и непосредственных исполнителей. И драгоценный следователь Пулов не оставит бедных оперативников своим вниманием, подбрасывая поручения с жесткими сроками исполнения.

Сергей скинул пиджак и приоткрыл окно. Он совершенно не представлял, где и как искать неведомого Сергея Сергеевича. И вообще что такое «каштан»? Условное кодовое слово или название какого-нибудь заведения? Какого? «Каштаном» может называться что угодно, начиная от парикмахерской и кончая фабрикой-кухней! А если это заранее обусловленное место встречи? Но не под деревом же встречались Трапезников или его жена с неким Сергеем Сергеевичем?!

Итак, надо выяснить: сколько в городе заведений с названием «Каштан», плохо, если часть таких заведений за время, прошедшее с момента исчезновения Трапезникова, перестала существовать – сейчас это быстро: сегодня есть, а завтра лавочку прикрыли. Потом проверим все эти места, на что придется убить кучу времени. Ну да ладно, сначала выясним, а там поглядим, стоит ли их проверять. Но еще хуже, коли имя Сергея Сергеевича никак не связано с неизвестным «Каштаном»: кто поручится, что на листке календаря не сделали две совершенно не относящиеся друг к другу записи?

Работать по брошенной преступниками машине бесперспективно – ее угнали несколько дней назад, и она числилась в розыске.

Мякишев прав: дельце действительно любопытное. Однако раскрывать убийство Трапезниковой придется не Трофимычу и не руководству Управления, а Серову и Туру. Что же, они постараются найти убийц.

Погасив в пепельнице окурок, Сергей покосился на молчавший телефон: странно, день в разгаре, а никто не звонит, хотя обычно аппарат чуть ли не раскаляется от бесконечных переговоров. И Лариска с тех пор, как они расстались, ни разу не позвонила. И он ей тоже...

Спал Николай Иванович, как говорится, «пунктиром» – часто просыпался, ворочался с боку на бок и мучился от липких кошмаров: то ему привиделось, что его арестовали на границе и в зарешеченном вагоне повезли в тюрьму, а то – что он опоздал на встречу с Сергеем Сергеевичем и видит хвост уходящего поезда...

– Зря ты вчера не выпил таблеточку, – наливая ему кофе, сказала утром жена. – Всю ночь мычал и дергался.

– Устаю, – буркнул Рыжов. – Жизнь на нервах.

– Давно пора отдохнуть, – назидательно заметила она.

– Я подумаю об этом, – вполне серьезно заверил он.

Простились как обычно. Уходя, Николай Иванович привычно чмокнул супругу в щеку и обещал позвонить. Взяв кейс, он вышел из квартиры, но, оказавшись на улице, свернул не к автостоянке, а проходными дворами направился к метро. День еще только начинался, до встречи на вокзале оставалась уйма времени, и предстояло как-то убить его.

Рыжов доехал до станции «Площадь Революции», поднялся наверх, прошелся по Красной площади и постоял у собора Василия Блаженного – придется ли все это увидеть вновь? Потом погулял по Александровскому саду, а оттуда вышел на Тверскую. Перейдя на теневую сторону улицы – солнышко припекало, – он потихоньку побрел к Триумфальной площади. Заметив в переулочке небольшое кафе, решил перекусить. Ожидая, пока официант принесет заказ, Рыжов подумал: а не сходить ли в кино? Но сидеть в душном и темном зале что-то не хотелось, и он отказался от этой идеи.

Плотно пообедав и расплатившись, Николай Иванович еще немного посидел за столиком, покуривая сигарету. Делать совершенно нечего, а до встречи с Сергеем Сергеевичем оставалось еще несколько часов. Где и как провести их, Рыжов не имея ни малейшего представления. Он не раз уже чертыхнулся, недобрый словом вспоминая своего наставника и провожатого в свободный мир, обожавшего игры в шпионов. Хотя Сергей Сергеевич, видимо, прав, желая исключить любую случайность.

В конце концов Рыжов отправился на вокзал пешком – так он точно убьет время, а по дороге можно заходить в разные магазины, глазеть на лотки книготорговцев и, может быть, даже прикупить чего-нибудь в дорогу. Хотя бы бутылочку приличного коньячка...

Ровно за пятнадцать минут до отправления поезда он был на перроне. Состав уже подали, началась посадка, но Сергея Сергеевича нигде не было видно. Николай Иванович, высматривая попутчика, повертел головой, однако безрезультатно.

Неожиданно его кто-то тронул за рукав. Обернувшись, Рыжов увидел того, кого искал.

– Что вы дергаетесь, как паяц на веревочках, – зло прошипел Сергей Сергеевич и незаметно сунул в ладонь Николая Ивановича билет. – Идите к спальному вагону, встретимся в купе.

«Опять появился, как чертик из табакерки, – подумал Рыжов. – Удивительная способность появляться неизвестно откуда и исчезать незнамо куда».

Тем временем Сергей Сергеевич подошел к вагону, перекинулся парой слов с молодой проводницей, предъявил билет, поднялся по ступенькам и скрылся в тамбуре.

Выждав немного, Николай Иванович пошел следом. Проводница равнодушно взяла его билет и с явным прибалтийским акцентом спросила:

– До Риги?

– Что? – немного смешался Рыжов, но тут же твердо ответил: – Да. Как там погода?

– Прохладно, – проводница вернула билет, и он вошел в вагон.

Сергей Сергеевич уже успел по-хозяйски расположиться в двухместном купе.

– Проходите, – увидев Рыжова, предложил он. – И закройте дверь. Нам лишние глаза ни к чему. Вы обедали?

– Перекусил.

– Отлично. Поужинаем в купе чем Бог послал, – Сергей Сергеевич вынул из портфеля объемистый сверток. – Надеюсь, мои инструкции вы выполнили?

– Старался, – усмехнулся Николай Иванович.

– Знакомых не встретили?

– Нет.

– Прекрасно. Выходить из купе будете только по нужде, сидите тихо и не высовывайте носа!

– Вы как строгий конвоир, – скривил губы Рыжов.

– Я несу за вас ответственность, – сухо заметил Сергей Сергеевич. – Когда все будет сделано и вы сможете самостоятельно пуститься в плавание по бурным волнам житейского моря, тогда делайте что заблагорассудится. А пока извольте подчиняться.

– Это приказ?

– Считайте, что да!

Решив немного разрядить обстановку, Николай Иванович вынул из кейса бутылку марочного коньяка. Сергей Сергеевич посмотрел на этикетку и одобрительно кивнул:

– Достойный напиток, помогает снять нервное напряжение. Перестаньте трястись, все пройдет как по маслу!

– С чего вы взяли, что я трясусь? – обиженно спросил Рыжов.

– Так, – Сергей Сергеевич пожал плечами. – Вижу.

Вагон качнуло, лязгнули сцепы, и за окном медленно поплыли привокзальные постройки. Вот они уже остались позади, и, прогромыхав на стрелке, состав вышел на магистраль.

– Ну, с Богом! – Сергей Сергеевич размашисто перекрестился, скинул туфли, завалился на полку и раскрыл иллюстрированный журнал.

Николай Иванович был бы рад последовать его примеру, но донимала внутренняя дрожь от непреодолимого страха – впереди граница, таможенники и вообще полная неиз-

вестность. Колеса вагона щелчками отсчитывали стыки рельсов, с каждым оборотом унося Рыжова все дальше и дальше, так, глядишь, скоро кончится территория России, из которой он удирал тайком, как преступник, бросив жену, дочь, свою фирму, квартиру, машину и все то, чем жил и дышал столько лет.

В купе заглянула проводница, взяла билеты, предложила чай или кофе, но Сергей Сергеевич отказался. Лишь только за ней закрылась дверь, он развернул свой сверток. В нем оказались бутерброды с осетриной и салями, салатки в пластиковых баночках, рост-биф и коробка шоколадных конфет. Нашлись пластмассовые вилки, ножи и миниатюрные рюмочки.

– Давайте ваш божественный напиток, – потребовал Сергей Сергеевич и брезгливо посмотрел на пластмассовые рюмки. – Пить из них этот нектар преступно, но не идти же к проводнице за стаканами? Пить коньяк из чайного стакана – это вообще... Впрочем, – разливая коньяк в пластиковые рюмки, задумчиво протянул он, – не худо бы влить в вас пару стаканов и уложить спать, а разбудить в Риге.

– Вы так полагаете? – Рыжов осторожно, боясь расплескать, взял рюмочку и с облегчением подумал: прекрасно, что коньяк его, а не Сергея Сергеевича. Кто знает, какой гадости он способен туда подсыпать или подлить и где потом очнешься?..

Хотя с такими мыслями лучше вообще не садиться в поезд! Хочешь не хочешь, а человеку с холодными голубыми глазами придется верить – сейчас он для Рыжова одновременно и ангел-хранитель, и словно поводырь для слепого.

– Будем! – Сергей Сергеевич выпил коньяк и впился зубами в бутерброд с осетриной. Прожевав, налил по второй и, как радушный хозяин, предложил: – Попробуйте салатки. Этот с крабами, а тот с шампиньонами.

Рыжов махнул подряд три рюмки и почувствовал, как по телу начало разливаться приятное тепло. Подцепив на вилку немного нежного крабового салата, Николай Иванович поинтересовался:

– Сколько мы пробудем в Риге? Или это военная тайна?

– Никаких тайн, – добродушно улыбнулся Сергей Сергеевич. – Думаю, управимся за несколько дней. А потом ваш путь далек: мимо острова Буяна, в царство славного Салтана.

– А вы?

– Провожу и вернусь обратно. Не могу, знаете ли, позволить себе путешествовать с вами по белу свету.

– Куда проводите? – продолжал допытываться Николай Иванович.

– Определимся, – туманно ответил Сергей Сергеевич. – Не люблю загадывать! Но все ваши пожелания мы учтем.

За разговорами они незаметно осушили бутылку. За окнами вагона сгустились сумерки. Сергей Сергеевич сходил к проводнице за кофе, но Рыжов пить его отказался, сославшись, что надо бы отдохнуть, а после кофе с коньяком он не сомкнет глаз.

Николай Иванович растянулся на вагонной полке, подсунул под голову тощую подушку и начал раздумывать, что сейчас подельывает жена: обзванивает знакомых или понеслась в милицию? Да нет, наверное, еще сидит на телефоне. Скорее всего, уже звонили домой с работы, разыскивали по неотложным делам, и это повергло супругу в еще большее волнение и заставило сходить с ума, теряясь в догадках – где же благоверный?

«Звонили домой? – с какой-то горечью спросил себя Рыжов. – У меня теперь нет дома! И неизвестно, когда будет!»

Вскоре он задремал, убаюканный мягким покачиванием вагона, мерным стуком колес и выпитым марочным коньяком...

Проснулся от толчка – поезд остановился. В купе горел тусклый синий свет, а полка напротив была пуста. Рыжов рывком сел, сунул руку под столик и облегченно вздохнул – кейс на месте. Но вдруг в нем ничего нет?

Напрягая зрение, Рыжов начал вертеть колесики замков, и в этот момент в коридоре послышались шаги: за тонкой стенкой купе уверенно бухали солдатские ботинки. Граница России?!

Николай Иванович замер – вдруг сейчас дверь с лязгом сдвинется, в глаза ему ударит яркий свет фонаря и раздастся грубый окрик: «Встать!»

Совсем ошалев и плохо соображая от охватившего его панического ужаса, он готов был завывать от отчаяния – где Сергей Сергеевич, неужели в самый ответственный момент он бросил попутчика на произвол судьбы? Забыв, что собирался проверить, на месте ли заветные бумаги, Рыжов сжался на полке, обеими руками обхватил кейс и весь обратился в слух.

Щелкали замки открываемых дверей, доносились неразборчивые слова, жутким грохотом казался стук ботинок пограничников, и чудилось: вот-вот, сейчас, через секунду дернут ручку двери его купе, и... Но постепенно все затихло. Поезд слегка качнуло – на малой скорости он пошел вперед.

Николай Иванович облегченно перевел дух, в одних носках неслышно прокрался к двери, чуть приоткрыл ее и осторожно выглянул в коридор – миновала ли опасность? И сразу увидел Сергея Сергеевича. Обернувшись от окна, он так посмотрел на Рыжова, что тот почел за благо немедленно закрыть дверь и забраться на полку. Ну его к чертям собачьим!

Минут через десять поезд опять остановился и в коридоре снова послышались чужие уверенные шаги и незнакомая речь. Латыши, понял Рыжов. Он искренне сожалел, что бутылка пуста – как бы сейчас славно пропустить рюмашку для успокоения. Наверное, Сергей Сергеевич был прав – лучше всего махнуть пару стаканов и заснуть мертвецким сном. Да чего уж теперь...

Латвийские пограничники и таможенники не особенно утруждались, они довольно быстро закончили проверку и удалились. В купе, где сидел Рыжов, никто не заглянул. Томительно тянулось время, и Николай Иванович поминал всех святых, которых помнил с детства и времен изучения научного атеизма, – скорее бы лязгнули сцепы и состав отправился дальше. Ну, чего они там тянут?!

Он отодвинул занавеску и выглянул в окно. Какая-то станция, мрак, чуть разбавленный редкими фонарями. Глухо пробубнил громкоговоритель, и поезд медленно двинулся вперед. Неужели пронесло? Жаль, не догадался взять пару бутылок коньяка!

Дверь купе открылась, Николай Иванович вздрогнул от неожиданности, но, увидев Сергея Сергеевича, облегченно вздохнул.

– Не спите? – устало зевнул «ангел-хранитель».

– Да так, как-то...

– Перетряслись?

– Было дело, – не стал лукавить Рыжов.

– Зря, – Сергей Сергеевич завалился на полку и закинул руки за голову. – Давайте-ка, милый мой, спать. До Риги осталось не так далеко.

Отвернувшись к стенке, он замолчал: то ли провалился в сон, то ли сделал вид, что заснул. Рыжов сунул под подушку кейс и задремал под мерный стук колес...

Глава 4

В Ригу прибыли солнечным прохладным утром. Сергей Сергеевич выглядел свежим и хорошо отдохнувшим, как будто не было почти бессонной, полной тревог ночи. Рыжов искренне ему позавидовал – он чувствовал себя совершенно разбитым и помятым, словно его старательно изжевали и, наконец пресытившись, выплюнули, отпустили душу на покаяние.

– Ничего не забыли? – Сергей Сергеевич беглым взглядом окинул купе, взял со столика пустую бутылку и сверток с остатками закуски, сунул в портфель и направился к выходу.

– Стеклотару сдадите? – съязвил Рыжов, шагая следом.

Сергей Сергеевич, не оборачиваясь, изрек:

– Не стоит где попало оставлять свои пальчики. Шевелитесь, нас ждут.

На перроне их встречал молодежавый мужчина в кожаной куртке и джинсах.

– Привет! – кивнул ему Сергей Сергеевич.

– Доброе утро! С благополучным прибытием, – ответил мужчина и, пожав руку Рыжову, представился: – Илья.

– Очень приятно, – промямлил Николай Иванович, но себя назвать воздержался.

– Как тут? – поинтересовался у Ильи Сергей Сергеевич.

– Нормально. Особых неприятных новостей нет, если не считать, что опять прилип Лапин.

– Чего ему нужно? – недовольно пробурчал Сергей Сергеевич.

– Процент хочет, – усмехнулся Илья.

– Лапин? – встревоженно переспросил Николай Иванович, почуввав пока неясную угрозу. – Кто это?

– Жора Лапин по кличке Лапа, – с ледяным спокойствием объяснил Сергей Сергеевич. – Наш соотечественник с богатым криминальным прошлым, который очень хочет стать богатым за чужой счет.

– О Господи! – простонал Рыжов. Внутри у него вновь плеснула мутная волна страха и тошнотворным комом подкатила к горлу. Абсолютно нигде нет покоя от вездесущих русских уголовников! Чем этот Лапин, или Лапа, может грозить лично ему? Спросить или лучше не совать нос не в свои дела, предоставив решать все вопросы Сергею Сергеевичу? В конце концов именно он должен отвечать за безопасность и благополучный исход мероприятия.

– Засек хатку, – Илья понизил голос.

– Запасной вариант есть? – вскинул на него глаза Сергей Сергеевич.

– Естественно! О котором Лапа ни слухом ни духом. Мы куда направимся? По новым адресам?

– Не стоит заранее разочаровывать клиента, – хищно улыбнулся Сергей Сергеевич. – Поедем туда, где он нас рассчитывает найти. Там и поговорим.

– Скажите честно, – уже выйдя на привокзальную площадь, решил спросить Николай Иванович, – возникли серьезные осложнения?

– Какие осложнения? – Илья пожал широкими плечами. – Каждый день кто-то на кого-то пытается наехать. Обычное дело. В России тоже могло произойти такое.

– В России – никогда! – отчеканил Сергей Сергеевич и с холодной яростью спросил: – Почему вы до сей поры не разобрались?!

– Ждали вас, – ответил Илья, подводя приехавших к «мерседесу» старой модели, за рулем которого сидел коротко стриженный парень в джинсовом костюме.

– Ага, – зло усмехнулся Сергей Сергеевич. – Вот приедет барин, барин и рассудит?

– Я доложил, но приказали ждать вас, – обиженно пробормотал Илья.

– Кто приказал?

– Сами знаете, – Илья взял из рук Сергея Сергеевича портфель и положил его около заднего стекла. Туда же он отправил и кейс Рыжова. – Садитесь, поехали.

Николай Иванович первым сел в машину, следом уселся Сергей Сергеевич. Как заметил Рыжов, его сопровождающий сразу прикусил язык, как только услышал о таинственном приказе. Даже выражение лица разительно изменилось – оно стало сонно-благодарным и безмятежно спокойным.

– Давай на улицу Бривбас, – приказал шоферу Илья.

Ехали в полном молчании. Сергей Сергеевич блаженно прикрыл глаза и, казалось, дремал. Николаю Ивановичу раньше не доводилось бывать в Риге, и он с любопытством смотрел в окно на проносившиеся мимо улицы и площади. Город ему понравился – чистый, зеленый, сумевший даже за долгие послевоенные десятилетия сохранить западный колорит и своеобразие архитектуры.

– За нами тянутся? – отвлек его от городских пейзажей голос Сергея Сергеевича, и сразу же неприятно засосало под ложечкой.

– Чисто, – лаконично ответил водитель.

– У них не так широки возможности, – обернулся Илья. – Вероятнее всего, постараются засечь наше появление по известному им адресу.

– Логично, – кивнул Сергей Сергеевич. – На их месте я поступил бы также. Там прикроют?

– Да, конечно, – успокоил Илья, а Рыжов подумал: как хорошо все начиналось, пусть даже на нервах, но какое последует продолжение? Однако не попросишься же обратно в Москву...

Впрочем, может быть, он зря паникует раньше времени и понапрасну терзается? Его сопровождающие не выказывают ни малейшего беспокойства, и, судя по их поведению, появление на горизонте пресловутого Лапы они восприняли как досадное, но незначительное происшествие. Или они сохраняют хорошую мину специально для Рыжова? Как узнать правду?

Тем временем машина свернула с оживленной магистрали и запетляла по тихим улочкам, застроенным двух-трехэтажными коттеджами. Потом вновь выскочила на магистраль, пересекла ее, свернула во двор большого дома и остановилась у подъезда.

– Часика через два подъезжай, – велел шоферу Илья и повел гостей в подъезд.

Они поднялись на третий этаж в кабине новенького, отделанного красным пластиком лифта. На площадке Илья отпер массивную сейфовую дверь квартиры и вежливо пропустил гостей в уютную прихожую.

– Прошу, – он провел Николая Ивановича под руку на кухню и показал сервированный к завтраку стол, потом распахнул дверь ванной. – Можете принять душ. Все халаты на вешалке новые, выбирайте любой. Мойтесь, завтракайте и отдыхайте.

– А вы?

– У нас есть дела, – неопределенно ответил Сергей Сергеевич. – Не волнуйтесь, я ни на минуту вас не покину.

– И на том спасибо.

– Кстати, ваша комната первая слева по коридору, – с любезной улыбкой сообщил Илья. – Желаю приятного аппетита и хорошего отдыха.

– Во второй половине дня нам предстоят серьезные деловые свидания, – предупредил Сергей Сергеевич. – Поэтому постарайтесь выбросить из головы все мрачные мысли и хорошенько отдохните. Если что-то понадобится, постучитесь к нам с Илюшей. К телефону, окнам и дверям не подходите.

– Фюрер думает за вас? – с постной физиономией пошутил Николай Иванович.

– В некотором роде, – вполне серьезно ответил Сергей Сергеевич.

Они с Ильей удалились. Рыжов принял душ, выбрал зеленый махровый халат, накинул его на плечи и вышел на кухню. На столе, прикрытые прозрачными пластмассовыми крышечками, теснились тарелки со всевозможными закусками, стояли большой термос с кофе и бутылки виски, коньяка и марочного портвейна. Николай Иванович плеснул в стакан виски, залпом выпил и вяло пожевал буженины. Мясо оказалось нежным, но аппетита совершенно не было. Зато горячий крепкий кофе взбодрил.

Отведенная Рыжову комната показалась ему уютной – на полу пушистый ковер, в углу цветной телевизор, у стены широкий мягкий диван, покрытый пледом. Николай Иванович включил телевизор и стал бездумно следить за мельканием картинок на экране – его мысли занимало только одно: что дальше?..

– Мне опять предстоит разгрести авгиевы конюшни?

Сергей Сергеевич сердито швырнул портфель в угол, опустил в кресло и пристально уставился на Илью.

– Ну, зачем же? – тот заморгал, как незаслуженно наказанный любимец всей семьи. – Я полагаю, существуют и другие звенья в нашей системе и иные маршруты, где тоже случаются проколы.

– Другие тебя не касаются, – отрезал гость. – Ты отвечаешь за свой участок!

Илья примирительно поднял ладони, как бы признавая правоту Сергея Сергеевича, и самолюбиво заметил:

– Мы тоже не сидели сложа руки.

Он подкатил к гостю сервировочный столик с закусками и бутылкой коньяка. Наполнив рюмки, Илья сел напротив и начал доклад:

– Мы давно висим у него на хвосте и контролируем все переговоры. Лапа завербовал одного из служащих бухгалтерии банка и от него узнал о денежных переводах. Лично вы ему известны как Сосновский.

– Нашупал «прачек», отмывающих бабки, и решил пожить? – Сергей Сергеевич выцедил коньяк и недобро прищурился. – Эта сука не оставит нас в покое, но он слишком много на себя берет. Как Юрмала?

– Чисто, – заверил Илья. – Что до Лапы, то он не дает покоя не только нам. Сейчас Жора обсасывает фирму «Эйби», из-за чего возникли трения с местными криминальными структурами.

– Это хорошо. Человек из банка под контролем? Вы сообщили о нем банкиру?

– Да, под контролем, и Андреас знает, но мы ждали вас для окончательного решения.

– Сколько у Лапы бойцов?

– С ним пятнадцать. Имеют на вооружении автоматы Калашникова, пистолеты ТТ и ручные гранаты. Сам Жора постоянно держит при себе телохранителя по кличке Борода, владеющего приемами восточных единоборств. С местными Лапин не контактирует: он беспредельщик, не признающий никаких уголовных законов. Считает себя большим авторитетом в криминальной среде. Нельзя позволить ему превратить нас в дойную коровку.

– Никто и не собирается позволить! – Сергей Сергеевич закурил и задумчиво уставился на серую ленточку дыма, тянущуюся к потолку.

Да, Георгий Иванович Лапин, похоже, серьезно здесь развернулся, и придется его выкорчевывать с кровью – как больной зуб с корнями, удаляя и наработанные им связи. За плечами Лапина три ходки в зону за убийства, разбойные нападения и грабежи: это Сергей Сергеевич установил еще в Москве, по своим каналам, когда, минуя Илью, получил из Риги информацию о возникшем из небытия Лапине и его притязаниях на кусок пирога. Правда, он надеялся, что к моменту его приезда на берега Даугавы с этим уголовником уже покончат.

Но, видно, те, кто отдавал приказы, рассудили иначе и решили предоставить эту сомнительную честь лично Сергею Сергеевичу.

– Он мог навести о нас справки?

– Нет! – Илья отмахнулся, как бы отсекая даже малейшую возможность того, о чем спрашивал гость. – Исключено! Не было никаких телефонных переговоров, никто не выезжал и не приезжал, а Лапа постоянно под наблюдением.

– Он это не засек?

– Грош была бы нам цена, – усмехнулся Илья и снял с полки видеокассету. – Жора считает нас обычными фраерами-коммерсантами, которых не наколоть – все равно что себя не любить. Сейчас увидите возможных действующих лиц.

Он вставил кассету в видеомэгнитофон, включил телевизор и объяснил, что съемки сделаны скрытой камерой.

Первым на экране появился модно одетый, атлетически сложенный человек с грубым загорелым лицом – он шел по улице рядом с высоким парнем, двигавшемся с мягкой кошачьей грацией.

– Жора Лапин и его телохранитель Ахмед Бородулин направляются в свое излюбленное кафе «Голубая Луна», – прокомментировал Илья.

На экране мелькали лица мужчин – бритоголовых, с падающими на глаза косыми челками, с пышными шевелюрами до плеч. Разного возраста, но уже успевшие отмотать по паре-тройке сроков, они составляли ударную силу группировки Лапина.

– Вон тот, с обритым черепом, – вполголоса давал пояснения Илья, – по кличке Рваный. В кожаной куртке, с длинными волосами – Сажа. Тощий в сером костюмчике – Лысый. А вот встреча господина Лапина с осведомителем из банка, неким Лурье.

Яркий свет на экране телевизора неожиданно сменился полумраком. Из него камера крупным планом выхватила одутловатое лицо Лурье, казавшееся мучнисто-белым. Он сидел за столиком в слабо освещенном углу кафе, спиной к залу, и на минуту обернулся, когда подошел официант.

– Плохо видно, – посетовал Сергей Сергеевич и добавил: – Наверное, этот Лурье для бандитов очень ценный агент. На месте Лапина я проводил бы с ним встречи только на конспиративных квартирах и постоянно менял их.

– У Лапы не тот опыт и знания, – с желчной улыбкой проговорил Илья. – Даже не те деньги.

– Запись их разговора есть?

– Среднего качества. Слишком много посторонних шумов.

– Не важно. Приготовь ее и этот кусочек видеозаписи. Я намереваюсь устроить маленький спектакль у Андреаса. Кстати, коли эта квартира уже засвечена, ее надо срочно продать через подставных лиц.

– Об этом подумали: уже несколько дней она принадлежит новым владельцам.

– Отлично, – похвалил гость. – Документ для нашего друга готов?

Илья подал Сергею Сергеевичу конверт. Тот открыл его, достал латвийский паспорт, перелистал недовольно улыбнувшись, спрятал во внутренний карман пиджака.

– Мы можем как-то связаться с Лапой?

Вопрос поставил Илью в некоторый тупик, и он, в свою очередь, прямо спросил:

– Зачем?

– Видишь ли, – протянул Сергей Сергеевич, – прежде чем начинать открытые военные действия, хотелось бы предпринять попытку вступить в переговоры, хотя бы для очистки совести...

Неожиданно раздавшийся телефонный звонок заставил его замолчать. Илья снял трубку:

– Вас слушают.

И тут же лицо его закаменело, он протянул трубку Сергею Сергеевичу и одними губами шепнул:

– Лапин!

«Сам объявился? Значит, следит за нами? – неприятный холодок помимо воли потихоньку пробежал по спине Сергея Сергеевича. Но он тут же резко скомандовал себе: – Не смей паниковать! Этот шакал рассчитывает на внезапность и хочет пожить за чужой счет. Ты сам хотел говорить с ним, так в чем дело? Видимо, разговор мало чего изменит, зато может дать дополнительную информацию. Так сыграй роль на отлично!»

– Да, – откликнулся Сергей Сергеевич и услышал в наушнике низкий, грубоватый голос:

– Ты Сосновский?

– Совершенно верно. С кем имею честь?

– Это Лапин. Слушай внимательно. Ты жируешь на моей территории. Я точно знаю как, во всех подробностях. Так вот, Христос велел делиться...

– Что вы имеете в виду? – Сергей Сергеевич старательно изображал полное непонимание.

– Не прикидывайся недоумком, – рыкнул Лапа. – Сегодня в семь вечера жду в «Голубой Луне». Принесешь портфельчик с десятью лимонами «зеленью». Не вздумай финтить, иначе тебе тут же сделают лишнюю дырку в черепе. Осознал?

– Вполне, – искренне заверил Сергей Сергеевич и отметил: Жора не разменивается по мелочам. Что же, каждый из них рискует, однако каждый по-своему! Но в наглой нахрапистости Лапе отказать никак нельзя.

– Впредь с тебя десять процентов, – продолжил Жора.

– Десять процентов с чего? – мягко спросил Сергей Сергеевич, скосив глаза на медленно вращающиеся бобины диктофона: разговор записывался.

– С каждого перевода, – ответил Лапа. – Я беру по-божески, но только попробуй вертеть задницей! Отдашь двадцать! И это не предел. Или ты предпочитаешь стать трупом?

– Ну что вы?!

– Тогда жду. Если не придешь вовремя, врубаю счетчик. Каждая минута опоздания обойдется еще в лимон! Приходи один. Не бойся, не тронем. Просто хочу обсудить с тобой с глазу на глаз кое-какие дела.

– Подождите! – поняв, что Лапа собирается повесить трубку, быстро сказал Сергей Сергеевич. – Надеюсь, вы понимаете: речь идет об огромной сумме в наличных! Вы просто выкручиваете мне руки! Такие деньги не появляются из воздуха за считанные часы. Может быть, перенесем встречу на несколько дней?

– Руки выкручивают вертухаи, – заржал Жора. – А деньги у тебя есть! Как их обналичить – твоя головная боль. Не явишься в семь с портфелем, заказывай панихиду! Все!

В трубке раздались короткие гудки. Сергей Сергеевич вопросительно посмотрел на Илью.

– Ты слушал?

– Да, через отводной наушник.

– Надо с ним кончать! Сегодня же! Этот гад только прикидывается, что хочет десять процентов. На самом деле ему нужно все! Он сейчас под наблюдением? Перемещения его людей контролируются?

– Естественно.

– С кем из местных у Лапы наиболее натянутые отношения?

– С группировкой Симона Бенья: он тянет у них из-под носа «Эйби». Симон мстительный малый, но на открытую войну с Лапой пока не решается. Вы хотите опереться в борьбе с Жорой на местных уголовников? – Илья недоуменно посмотрел на гостя.

Сергей Сергеевич невесело рассмеялся:

– Все мы, если по большому счету, в чем-то уголовники! Конечно, Бенья придется слегка прижать, потом проконтролировать, а возможно, и продублировать. Пусть слава победы над Лапой достанется ему, я не возражаю. Лишь бы был послушен! Ты его прикормил?

– Как приказывали.

– А теперь повяжем Симона кровью! – Сергей Сергеевич стукнул кулаком по подлокотнику кресла. – Но боевиков Лапы ему не съест. Придется взять их на себя.

– Что вы задумали?

– Ничего особенного. Собираюсь с успехом выступить в роли подсадной утки. Толик и Саша у тебя под рукой?

– Оба здесь.

– Есть ли крупномасштабный план города?

Илья достал с книжной полки свернутую гармошкой карту.

– Тэк-с, посмотрим, – Сергей Сергеевич расстелил ее поверх бутылок и тарелок с закусками, вооружился карандашом. – Свяжись с Толиком, пусть он немедленно встретится с Сицилийцами и отвезет ему подарки.

– Подарки?

– Ну да, – кивнул Сергей Сергеевич, внимательно изучая карту. – Сицилийцы часто решают подобные вопросы при помощи лупар, то есть обрезов охотничьих ружей. Выстрел из лупары с достаточно близкого расстояния не оставляет противнику никаких шансов выжить.

– Ясно. Сейчас я переговорю с Толей и разыщу Симона. Если твердо пообещать, что Лапе выбьют зубы, Дух пойдет на все.

– Кто?

– Дух – кличка Бенья, – объяснил Илья, набирая на телефоне номер. Коротко с кем-то переговорив, он положил трубку и сказал Сергею Сергеевичу:

– Через час Толик встретится с Бенем.

– Вот и чудненько, – Сергей Сергеевич оторвался от карты и медленно, словно диктуя, начал говорить: – Нам нужно сперва посетить фирму «Гелиос», а потом банк. Везде придется тащить за собой клиента, жизнью которого мы не имеем права рисковать. Вне сомнения, бойцы Лапы будут наблюдать за нами, а у банка попробуют захлопнуть мышеловку и станут выжидать, отправлюсь ли я с данью к их главарю. Нам необходимо успеть покончить в банке с агентом Жоры и обеспечить себе полную свободу передвижения. Подготовь людей, и ни на минуту не выпускайте из поля зрения Лапина и его бойцов. Скорее всего, они будут караулить нас вот тут и тут, – Сергей Сергеевич показал помеченные крестиками места на карте. – Его бойцы используют радиосвязь?

– Нет, – отрицательно мотнул головой Илья. – Жора не сможет быстро узнать о судьбе подручных. Но не обойтись без шума.

– Оставь это латвийской полиции, – усмехнулся гость. – Главное, все сделать быстро и чисто! И постоянно поддерживай связь с Бенем, жестко контролируй его действия. Из банка сразу махнем в Юрмалу, нечего здесь болтаться. Подготовь группу прикрытия, во избежание любых непредвиденных осложнений. И не упустите Лапу! Он может почуять неладное и вильнуть хвостом, а я очень хочу, чтобы его встреча с Духом непременно состоялась.

– Сделаем, – обнадежил Илья.

Сергей Сергеевич встал, прошел к дивану, скинул туфли и лег, подсунув под голову маленькую подушечку.

– Отдохну хоть полчаса, – зевнул он. – Учти, Илюша, такой пахан, как Лапа, нам не нужен! Лучше иметь дело с послушными и покладистыми людьми, которые, как говорят на Востоке, смотрят на мир из твоей руки...

Ровно в два Толик – немного рыхлый, лысоватый блондин лет пятидесяти, в модном спортивном костюме и с объемистой сумкой на плече – постучался в наглухо закрытые двери бара «Дзинтарис», спрятавшегося в переулочке неподалеку от Домского собора.

На мгновение в двери приоткрылось маленькое зарешеченное оконце, темные быстрые глаза окинули Толика изучающим взглядом, потом лязгнул засов, и дверь отворилась – ровно настолько, чтобы гость смог протиснуться в узкий полутемный коридорчик, ведущий в зал с длинной дубовой стойкой.

Пройдя через сумрачный зал с низким сводчатым потолком, Толик свернул за стойку и оказался перед дверью в служебные помещения. Открыл ее и вошел в небольшую комнату, где за столом сидел брюнет с глазами-маслинами, одетый в щегольской синий костюм, светлую рубашку с ярким галстуком и желтый жилет из тонкой замши. Увидев гостя, щеголь почесал кончик вислого носа и радушно улыбнулся, показав ряд безукоризненных вставных зубов.

– Привет, Толик!

– Здорово, Виктор! – не дожидаясь приглашения, Толик присел к столу и поставил на свободный стул тяжелую сумку. – Где сам?

Щеголеватый Виктор Шамис был известным мошенником, ловким пройдохой и ближайшим подручным Духа, но разговаривать с ним о серьезных делах Толик не намеревался. Само собой, хитрый и осторожный Симон специально посадил здесь эту изворотливую лису Шамиса, чтобы тот попытался выведать, с чем заявился посланец Ильи.

– Сейчас будет, – еще шире улыбнулся Шамис. – Выпьешь?

– Спасибо, не хочу, у меня сегодня еще уйма дел.

– Чего это ты вдруг решил нас навестить? – предложив Толику сигарету, Шамис начал прощупывать почву.

– Хочу поговорить с Симоном.

– Да? О чем? – оживился Шамис.

– О деле, – отрезал Толик, глядя на кончик сигареты.

В комнате, как веревка на шее удавленника, повисла гнетущая тишина. Толик и Виктор курили и фальшиво улыбались друг другу. Толик не намеревался продолжать разговор с Виктором, а тот не решался возобновлять его – Виктор знал, что перед ним очень опасный человек, которого не стоит выводить из себя назойливыми расспросами. Поэтому он незаметно трижды нажал скрытую под столом кнопку звонка, давая знать находившемуся наверху Беню: ничего угрожающего пока нет, но и выведать, с чем явился неожиданный гость, тоже не удалось.

– Где Симон? – Толик выразительно поглядел на часы.

В этот момент в комнату вошел плотный рыжеватый мужчина средних лет, одетый в темный свитер и брюки.

– Привет, Бень! – Толик протянул ему широкую, как лопата, ладонь.

– Рад видеть тебя, – Симон пожал протянутую руку, уселся к столу, прикурил и с деланным изумлением поглядел на Шамиса. – Виктор?! Как ты принимаешь наших друзей? Ну-ка...

– Не нужно! – остановил его Толик. – Я пришел поговорить о серьезных вещах, и у меня мало времени.

Симон чуть склонил голову:

– Хорошо, говори.

Гость выразительно посмотрел на Шамиса, и тот, поняв, что он лишний, поднялся и вышел, демонстративно плотно прикрыв за собой дверь.

– Я весь внимание, – произнес Бень.

– Хочешь получить «Эйби»? – Толик прямо посмотрел в его чуть прищуренные карие глаза.

– На каких условиях? – осторожно поинтересовался Симон.

– Можно получить и многое другое, – продолжал гость, словно не слышал его вопроса. – Например, упрочить свой авторитет и выступить в роли «крыши» для некоторых банков и страховых компаний. Подходящая цена?

– Заманчиво, – Дух тонко улыбнулся. – Но... кто гарантирует?

– Гарантирует Илья, а он никогда не бросал слов на ветер.

– Самое главное – цена?

– Головы Лапы и Бороды.

Лицо Бенья сразу как-то осунулось. Он быстро облизнул пересохшие губы и вытянул из пачки новую сигарету.

– Ты серьезно? – осипшим голосом спросил он.

– Разве так шутят? – Толик пожал плотными плечами. – Или ты сегодня с нами, или через некоторое время Лапа тебе открутит рыжую башку. Он же беспредельщик!

Кому другому Бень вряд ли позволил безнаказанно пройтись насчет его рыжей башки, но не Толику – Симон догадывался, какие силы стоят за спиной этого флегматичного блондина. Но главное слово – сегодня! Значит, все должно решиться еще до полуночи? Он бросил взгляд на часы – двадцать минут третьего. До конца суток восемь с половиной часов, в любой момент от него потребуют конкретных действий, иначе Толик не сидел бы здесь. Кстати, что это он приволок в сумке? Бомбу для Жоры?

Как же поступить? Получить обещанные блага, да еще вдобавок избавиться от Лапы – весьма заманчиво. Но если вдруг произойдет осечка? Что-то тогда станется с бедной рыжей башкой Симона Бенья? Хотя еще не было случая, чтобы команда Толика потерпела поражение. Впрочем, Лапа тоже всегда выходил сухим из воды!

– Я могу подумать?

– Ты думаешь уже целых пять минут, – усмехнулся гость. – Вполне достаточно, чтобы принять решение.

– Не дави на меня, – почти проскулил Бень.

– Тебе достанется самое простое, – Толик повертел в толстых пальцах зажигалку и небрежно отбросил ее на край стола. – Мы сообщим, где и в какое время ты найдешь Жорку. К этому моменту он станет беззубым: его боевиков берем на себя. Ты должен постоянно быть на связи, потом быстренько подскочить в нужное место и сделать Лапе последний подарок.

Толик вытащил из кармана куртки радиотелефон и положил его перед Симоном. Тот смотрел на гостя как зачарованный. На лбу у него выступила легкая испарина. О Яхве! Что будет, если он откажется?

– Ну?! – словно подхлестнул его Толик. Бень жарко выдохнул и взял аппарат.

Гость поощрительно улыбнулся. Поднявшись из-за стола, показал на сумку:

– Это тебе пригодится. Все, Симон, жди звонка. И учти, нам было бы очень горько разочароваться в старом приятеле Бене!

Тот вымученно улыбнулся: у него просто не было слов, а в горле застрял сухой, колющий ком, мешавший дышать. Толик дружески потрепал его по плечу и вышел. Когда за ним закрылась дверь, Бень потянулся к сумке.

В ней Симон увидел большой сверток в промасленной бумаге. Он развернул бумагу и вытаращил глаза – перед ним лежали два новеньких обреза, изготовленные из двуствольных охотничьих ружей, и картонная пачка патронов. Чуть подрагивавшими от волнения паль-

цами Бень надорвал крышку: желто блеснули латунные гильзы, набитые крупной волчьей картечью. Ничего себе!

Вошел Шамис и хотел съязвить по своей всегдашней привычке, но, увидев на столе обрезы и пачку патронов, изумленно присвистнул и тяжело плюхнулся на стул. Вся его щеголеватость разом померкла: он стал похож на ярмарочную марионетку, у которой обрезали нитки.

– Зачем? – он недоуменно поглядел на Симона. Добро бы, на столе лежал автомат, пусть даже пулемет, но обрезы?.. По нынешним временам какое-то первобытное, пещерное оружие!

– Подарки для Лапы, – буркнул Бень.

– Мы что?..

– Вот именно, – криво усмехнулся Симон. – Когда нам позвонят и скажут, где он, надо поехать туда и всадить в него порцию картечи из обоих стволов. Мне некого взять на это дело, кроме тебя, Витя, поскольку у остальных потом ничего не удержится внутри, как теплая водичка в заднице. А зачем нам ненужная реклама? Я готов отправить к праотцам Жору, а тебе достанется Борода: они вечно вместе.

Шамис приуныл.

– За этим и приезжал Толик?

– Предварительно обещают выбить Лапе все зубы, а нам в знак признательности отдать фирму «Эйби» и кое-что еще.

Виктор осторожно взял со стола один из обрезов, открыл затвор и заглянул в сияющие хорошо отполированной сталью стволы.

– Мы можем как-нибудь?..

– Отказаться? – закончил за него Бень. – Нет! Фактически нам сделали серьезное коммерческое предложение и гарантируют долю как партнерам. Ты же догадываешься, что за люди стоят за Толиком? Если меня или тебя вдруг понесет не в ту сторону, то, скорее всего, подобные игрушки получит кто-то другой и станет ждать звонка с сообщением, где и когда найти нас.

– Ну уж нет! – Шамис вставил в стволы патроны и с лязгом закрыл затвор. – Лучше я сам пальну по Бороде, чем кто-то вмажет мерку свинца мне в живот... Но ты ведь знаешь, Симон, я никогда никого не убивал! – немного помолчав, слезливо пожаловался Виктор.

– Значит, у тебя сегодня дебют, – мрачно заключил Дух. – Гляди, сучонок! Когда будешь стрелять, не зажмуривай глаза! На вторую попытку у нас не будет времени, а никакие оправдания потом не примут в расчет.

– Я постараюсь, – в тон ему ответил Виктор. – Ладно, жди звонка, а я пока сгоняю за тачкой: у наших парней есть одна угнанная. Не на своей же нам отправляться кончать Лапу?

– Только побыстрее! Кто знает, когда позвонят?

– Я мигом! – Шамис юркнул за дверь.

В том, что он вернется, Бень не сомневался. Его сейчас более занимало другое: в какую игру его втянули и чем все это закончится?

Незаметно Николай Иванович задремал, приклонив голову на мягкий валик дивана. Ему привиделось, что он в своей московской квартире, сидит на кухне за столом, а напротив устроилась жена и что-то недовольно выговаривает ему. Он пытается разобрать слова... Но тут его пихнули в плечо.

Открыв глаза, Николай Иванович увидел Сергея Сергеевича и сразу вспомнил, где он и что с ним, – привидевшаяся во сне кухня московской квартиры и жена в мгновение ока отлетели прочь, в несусветную даль.

– Отдохнули? – заботливо поинтересовался Сергей Сергеевич.

– В общем, да, – Рыжов сел, энергично потер ладонями щеки, прогоняя остатки сна.

– Тогда поднимайтесь и собирайтесь: мы едем в «Гелиос» расторгать договор. Потом отправимся в банк получать денежки. Их следы должны исчезнуть сегодня же. Впрочем, как и ваши.

– Деньги? – Рыжов встал, прошел к шкафу, достал из него вешалку с костюмом и свежей сорочкой. – Но помилуйте, я тоже не вчера родился! Это же огромная сумма! А если ее нам не выдадут? И вообще куда мы повезем уйму долларов? На эту квартиру? Пересчитывать и делить?»?

– Не волнуйтесь. Все выдадут, и ничего не случится. И поделим как полагается: Богу – Богово, а кесарю – кесарево!

– У меня есть два вопроса. Во-первых: чем нам грозит ваш бандит? И во-вторых: как вы намереваетесь делить проценты? «Гелиос» возьмет неустойку, а там кроме моих вложены и ваши деньги. Мне не хочется нести неоправданные убытки. Надеюсь, вы меня правильно поняли?

– Вполне. В отношении бандита можете не волноваться: он не причинит никаких беспокойств. Что же касается процентов, то я думаю, мы придем к обоюдовыгодному соглашению. А сейчас поторопитесь, машина ждет.

Сергей Сергеевич вышел. Николай Иванович подумал: его сопровождающий похож на скользкого угря – как ни пытаешься ухватить, все время оказываешься с пустыми руками. Вроде бы он не отказывается отвечать ни на один из вопросов, но дает минимум информации и постоянно торопит, как на пожаре. Но пусть торопит, в вопросе о процентах Рыжов займет жесткую позицию: деньги есть деньги!

Одевшись и взяв кейс, Николай Иванович выглянул в коридор. Сергей Сергеевич уже ждал.

– А Илья? – спросил Рыжов.

– У него дела, – отрезал Сергей Сергеевич.

У подъезда стоял знакомый «мерседес». Водитель, не задавая вопросов, тронул с места: видимо, знал, куда ехать.

Главой фирмы «Гелиос» оказался сухопарый седой господин, одетый в строгий костюм и белую крахмальную сорочку с бордовым галстуком-бабочкой.

Одарив гостей дежурной улыбкой, он жестом предложил им располагаться в креслах у стола и без околичностей приступил к делу:

– Господин Рыжов? Вы заключили с нашим представительством в Москве контракт на поставку сборных домов, а теперь желаете расторгнуть его?

– Да, – подтвердил Николай Иванович. Чего уж тут комедь ломать?

– Имеете ли вы при себе все необходимые бумаги и печать вашей фирмы? – продолжал допытываться латыш. – И у вас есть документ, удостоверяющий вашу личность?

– Конечно, все это имеется, а в качестве удостоверения личности, надеюсь, вас устроит российский паспорт?

– Вполне, – кивнул глава «Гелиоса», бегло просматривая договор. – У вас нет претензий в связи с расторжением контракта? Вы согласны со всеми пунктами, по которым обязуетесь выплатить неустойку?

На русском языке он говорил чисто, но как-то по-деревянному, словно автомат. Однако это не смутило Николая Ивановича – самое важное, поскорее покончить с формальностями и выдрать в банке денежки. Вот тогда он почувствует себя значительно спокойнее.

– Да-да, – поспешно сказал Рыжов. – Согласен.

– Отлично, – латыш достал из сейфа темную кожаную папку. Раскрыл ее и подал Николаю Ивановичу. – Прошу вашу подпись и печать на документах о расторжении контракта.

Передайте, пожалуйста, мне ваш паспорт. Надо указать его реквизиты в платежном поручении для банка.

Пока Рыжов, почти не глядя, подписывал бумаги и ставил печать, глава «Гелиоса» взял его паспорт и пробежался длинными пальцами по клавиатуре компьютера. Потом с кем-то переговорил по селектору. Забрав у Николая Ивановича папку, он вернул ему паспорт и дал вторые экземпляры документов по расторжению контракта.

– Я искренне сожалею, господин Рыжов, что наметивше еся между нами весьма выгодное для обеих сторон плодотворное сотрудничество не нашло своего продолжения, – с улыбкой искусственного дипломата заявил латыш. – Но мы всегда готовы возобновить контакты. Платежное поручение уже в банке, известном господину Сосновскому.

За этим последовал вежливый полупоклон в сторону Сергея Сергеевича.

«Ага, значит, он Сосновский, – отметил Николай Иванович. – Но кто поручится, что это его настоящая фамилия? Впрочем, какое мне дело? Главное, все решено без проволочек...»

Из «Гелиоса» их путь лежал в банк.

Не заходя в операционный зал, Сергей Сергеевич уверенно повлек за собой Рыжова по каким-то коридорам, лестницам, как видно, хорошо здесь ориентируясь. Поднявшись на лифте на четвертый этаж и миновав просторный вестибюль, они оказались в приемной, где секретарь – молодой, крепкого сложения мужчина – распахнул перед ними дверь кабинета. Сергей Сергеевич заговорщически шепнул:

– Здесь сидит управляющий.

Хозяин кабинета встретил их, стоя у окна. Рыжов увидел моложавого мужчину с гладко зачесанными назад светлыми волосами, одетого с щеголеватой небрежностью.

– Привет, Андреас! – на русском поздоровался Сергей Сергеевич. – Ты получил весточку из «Гелиоса»?

– О, да! Я готов решить все вопросы, – банкир улыбнулся, но его глаза холодно и настороженно ощупали Рыжова, словно оценивая: сколько стоит этот человек и чего от него ждать?

– Это наш клиент, – представил Сосновский.

– Будем работать, – Андреас пожал Рыжову руку и предложил пройти в комнату отдыха. Там он усадил гостей в мягкие кресла около круглого столика, поставил перед ними чашечки кофе, сахарницу и маленький молочник. Потом подал Рыжову пачку документов. – Заполните, пожалуйста.

Дождаясь, пока Николай Иванович разберется с бумагами, он перекинулся несколькими фразами с Сергеем Сергеевичем, а потом обернулся к клиенту:

– Готово? Давайте. Пока отдохните, выпейте кофе. Прошу извинить, у нас с Сергеем Сергеевичем конфиденциальный разговор.

Пропустив управляющего вперед, Сергей Сергеевич вышел следом и плотно прикрыл дверь. В замке щелкнул ключ.

Это было для Николая Ивановича не слишком приятной неожиданностью: или он пленник, или ему не доверяют? Пожав плечами, он пренебрежительно фыркнул: секреты Андреаса и Сосновского его ничуть не интересовали, однако придется подчиниться. Спорить с Сосновским все равно бесполезно.

Но туг в душу закралось сомнение: кто откроет дверь – Сергей Сергеевич и банкир или кто-то третий, явившийся забрать жизнь Рыжова? Ведь он полностью, вместе со всеми деньгами, оказался в руках этих людей и что им стоит?.. Тот же секретарь из приемной всадит в лоб пулю из пистолета с глушителем, тело закатают в ковер и... Нет! Нельзя поддаваться панике.

Николай Иванович дрожащей рукой налил кофе, немного разбавил его молоком, бросил в чашечку три куска сахара и, медленно размешивая их ложечкой, постарался настроить себя на длительное, спокойное ожидание...

– Дай бумагу, – опустившись в кресло в кабинете, попросил Сергей Сергеевич. Он быстро набросал на листе несколько строк и подал банкиру. – Все пойдет в такой пропорции.

– Хорошо, – Андреас приколот листочек к документам на выплату по счетам «Гелиоса», вызвал секретаря и подал ему документы:

– Будьте добры проследить, чтобы все платежи провели в соответствии с приложенной запиской. Основную сумму в несколько приемов переведете на известные счета.

Он вопросительно поглядел на Сергея Сергеевича – тот утвердительно кивнул. Когда секретарь вышел, он вынул из кармана телефон мобильной связи и набрал номер. Услышав в наушнике голос Ильи, Сосновский спросил:

– Как?

– Они перекрыли улицу с обеих сторон. Полагаю, если вы не явитесь на свидание, последует акция.

– Выпускай Толика и Сашу, – велел Сергей Сергеевич. – Пусть не спешат, и поаккуратнее. Сам где?

– Пока в берлоге.

– Как Симон?

– Ждет распоряжений.

– Постоянно держи его на связи и действуй только наверняка! Обязательно звони мне. – Потом Сосновский обернулся к Андреасу:

– Как же твоя служба безопасности прооргала Лурье?

– У вас есть пословица: и на старуху бывает проруха, – попытался отшутиться банкир. – Я признателен Илье за информацию, но... имеются затруднения. Естественно, Роберт Францевич Лурье больше не может работать в нашей команде, однако, если он утонет, повесится или попадет под автомобиль, это неизбежно привлечет внимание криминальной полиции. А это не желательно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.